

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-83-114>

УДК 008

ББК 71+63.5

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Л. М. Мосолова
г. Санкт-Петербург, Россия

© 2022 г. А. В. Бондарев
г. Санкт-Петербург, Россия

© 2022 г. А. В. Зыкин
г. Санкт-Петербург, Россия

«КОРЕННЫЕ НАРОДЫ» КАК КОНСТРУИРУЮЩИЙ КОНЦЕПТ: ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ДИСКУРСЫ

Аннотация: В статье представлен опыт проблематизации понятия «*малочисленные коренные народы*», анализируется весь спектр сложившихся в современной науке интерпретаций терминов «малочисленный» и «коренной» народ, а также ставится вопрос о характере и целях использования этих понятий в различных научных дискурсах и социально-политических практиках. Актуальность такой постановки проблемы связана с тем, что от адекватной или неадекватной интерпретации и правового применения этого термина в значительной мере зависит реальное существование малочисленных народов, направление их ментальных ориентаций, степень и способы защищенности этнокультурной самобытности, явные и скрытые возможности использования этих этносов как акторов в тех или иных политических и экономических целях. Цель предлагаемого исследования — проанализировать эвристический статус и практико-ориентированную функцию терминов «малочисленные» и «коренные» народы как научных категорий и конструирующих социально-политическую реальность концептов. Примененные в работе методы историографического, терминологического, концептографического и компаративного анализа, логико-аналитические процедуры проблематизации и тематизации терминов «малочисленные» и «коренные» народы, историко-правовой и историко-типологический методы на конкретном историческом материале позволили показать перманентность миграций народов в разные регионы мира с их последующим укоренением на новой территории и взаимодействием с ранее пришедшими туда народами, выявить целый ряд противоречий в интерпретации вопроса о том, кого следует считать коренными этносами на той или иной территории. Проанализированный массив данных свидетельствует о явной *неоднозначности* и *релятивности* индигенных представлений об исконности местообитания этносов. Критический анализ применения в современных науках и правовых документах термина «коренные народы» позволил сделать вывод

о том, что он не отвечает критериям научного понятия или категории, зачастую он связан с *мифоконструированием* национальных историй. Его использование как инструмента научного познания и навигатора социально-политических или национальных ориентаций не является эвристически перспективным. В контексте регуляции межэтнических взаимоотношений термин «коренные народы» таит в себе конфликтогенный потенциал и может выступить опасным оружием в арсенале радикальных сил и тех, кому их действия политически выгодны. Материалы и выводы статьи представляют практическую значимость для защиты адекватных ценностно-смысловых ориентиров малочисленных народов, уточнения научной и правовой терминологии в области межэтнических взаимоотношений, повышению эффективности этнокультурологической, этнополитологической и этносоциологической экспертизы.

Ключевые слова: межэтнические отношения, этнокультурная самобытность, автохтонность, малочисленные народы, «исконная территория», мифоконструирование.

Информация об авторах:

Любовь Михайловна Мосолова — доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры теории и истории культуры, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Набережная р. Мойки, д. 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5752-3142>

E-mail: mosolova@mail.ru

Алексей Владимирович Бондарев — кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры теории и истории культуры, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Набережная р. Мойки, д. 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9272-2160>

E-mail: aleksej-bondarev@yandex.ru

Алексей Владимирович Зыкин — доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и культуры речи, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Петербургское шоссе, д. 2, 196601 г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8312-4559>

E-mail: zykinalex@mail.ru

Дата поступления статьи: 01.04.2021

Дата одобрения рецензентами: 17.05.2021

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Мосолова Л. М., Бондарев А. В., Зыкин А. В. «Коренные народы» как конструирующий концепт: проблематизация, интерпретации и дискурсы // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 83–114.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-83-114>

Введение. Слова имеют значение, особенно когда они относятся к целым народам и начинают исподволь подавать повод к тем или иным претензиям и склокам. В этно- и социолингвистике, лингвокультурологии, культурно-исторической и этнической психологии многими исследователями уже неоднократно отмечалось, что использование слов как понятий способно определять наше восприятие настоящего, изме-

нять представление о прошлом, задавать ориентиры в будущее. Иначе говоря, слова как понятия или концепты обладают способностью детерминировать само *восприятие пространственно-временного континуума*, формируя наши представления о самих себе и ментальную картину мира в целом (Эмиль Дюркгейм, Марсель Мосс, Николай Марр, Эмиль Бенвенист, Райнхарт Козеллек, Квентин Скиннер, Джордж Лакофф, Пьер Бурдьё, Алейда Ассман, Юрий Степанов и др.). В этой связи Александр Бикбов очень верно подчеркивает: «Внимание к понятиям оправданно не только ради ретроспективной регистрации их роли в настоящем и освобождения от груза прошлого. Не менее важна их проективная потенция, т. е. способность понятий создавать будущее, доопределяя реальность в форме институтов» [2, с. 10]. Слова, научные термины, философские категории, различные наименования как бы задают *концептуально-понятийную сетку* восприятия, описания, оценивания и осмысления всей окружающей нас действительности. Именно эта сетка служит своего рода навигатором нашего сознания, выстраивая ментальные ориентиры, мотивирует, программирует и зачастую выступает «руководством к действию». Ситуация усложняется еще и тем, что любое слово, термин или понятие нагружены, как правило, большим или меньшим спектром значений, имеют некие коннотации, актуализирующиеся в тех или иных социокультурных контекстах. Весь вопрос в том, *кто и в каком направлении* трактует и интерпретирует эти значения, задает их «идейно-смысловой аттрактор», «понятийно-силовой вектор», переходя от «слов» к «действиям».

Материалы и методы. Одним из таких сложных и неоднозначных понятий в современном научном, обыденном, нормативно-правовом и общественно-политическом лексиконе выступает термин «коренные народы» («indigenous peoples»). Многими специалистами уже неоднократно высказывались различные сомнения по поводу его смысловой адекватности, исторической справедливости и политико-правовой релевантности [1; 6; 22; 24; 26; 27; 29; 30; 35–48; 50; 51]. Тем не менее термин «коренные народы» и связанные с ним словосочетания получили самое широкое хождение в международно-правовом лексиконе, документах ООН, средствах массовой информации, как-то незаметно проникли в научную терминологию, хотя серьезные ученые всегда и сопровождали использование этого как бы навязанного им извне термина множественством оговорок и уточнений. Его толкование в значительной мере зависит от исторической архитектуры существования этносов на разных континентах, от их присутствия в различных общественных системах, а также от их социально-культурной типологии и других детерминаций. Между тем от адекватности его понимания или непонимания зависит реальное существование конкретных народов, развитие их культуры жизнеобеспечения и ментальных ориентаций, а также их взаимоотношения с соседями, роль и статус в межэтническом взаимодействии как внутри государства, так и за его пределами.

Наше исследование будет посвящено изучению феномена малочисленных коренных народов мира, анализу различных интерпретаций самих терминов «малочисленный» и «коренной» народ, а также целям и характеру использования этих терминов в современных социальных практиках. Цель предлагаемой работы — проанализировать эвристический статус и практико-ориентированную функцию терминов «малочисленные» и «коренные» народы как научных категорий и конструирующих социально-политическую реальность концептов. Для достижения поставленной цели попытаемся ответить на следующие вопросы: можно ли считать народы планеты, именуемые «малочисленными и коренными», действительно *коренными* (т. е. укорененными на занимае-

мой ими территории); являются ли термины «малочисленный» и «коренной» научными категориями, адекватно отражающими соответствующую сложную этнокультурную реальность; насколько корректно эти термины используются в современных исследованиях межэтнических отношений, правовых документах, общественном и политическом пространстве. Для изучения обозначенного круга вопросов в работе были применены методы историографического, терминологического, концептографического и компаративного анализа существующих нормативно-правовых источников и специализированной литературы, логико-аналитические процедуры проблематизации и тематизации терминов «малочисленные» и «коренные» народы, а также были задействованы историко-правовой и историко-типологический методы изучения этнокультурных реалий, стоящих за всей этой проблемной терминологией.

Источниковую базу исследования составляют международные договоры, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, Совета Безопасности ООН, Совета по правам человека ООН, аналитическая документация Рабочей группы и Экспертного механизма по правам коренных народов ООН и других международных организаций, связанные с исследуемой проблематикой, а также национальные законодательства государств, прежде всего Российской Федерации.

Изучение проблемы коренных народов. Проблемы коренных народов особенно активно начали изучаться со второй половины XX в. Обсуждение все более широкого круга вопросов с каждым десятилетием приобретало все более возрастающий общественно-политический характер и международное значение. Рассмотрение самых разных проблем коренных народов получило отражение в политико-правовой, публицистической, художественной литературе, а также философской, научной и научно-просветительской литературе, сформировав особое и весьма обширное направление — *индигенные исследования* («Indigenous Studies» или «Indigenous Research»)¹. С конца

¹ Важное теоретическое и методологическое значение для изучения этнокультурных и социально-политических тенденций, характерных для коренных народов в современных условиях модернизации и глобализации, имеют работы таких ученых, как Гудмундур Альфредссон (Gudmundur Alfredsson), Арджун Аппадурай (Arjun Appadurai), Стивен Джеймс Анайя (Stephen James Anaya), Стивен Аллен (Stephen Allen), Найджел Бэнкс (Nigel Banks), Стефан Бергер (Stefan Berger), Эйвинд Равна (Eyvind Ravna), Ричард Боршей Ли (Richard Borshay Lee), Ян Браунли (Ian Brownlie), Джон Р. Боуэн (John R. Bowen), Джеймс Клиффорд (James Clifford), Мануэль Кастельс (Manuel Castells Oliván), Хосе Рикардо Мартинез-Кобо (José R. Martínez-Cobo), Эрика-Ирен А. Даес (Erica-Irene A. Daes), Меган Дэвис (Megan Davis), Свен Йентофт (Sven Jentoft), Генри Минде (Henry Minde), Рагнар Нильсен (Ragnar Nilsen), Дэвид Гренфельдт (David Groenfeldt), Херст Ханнум (Hurst Hannum), Джордж Хендерсон (George Henderson), Фрэнсин Хирш (Francine Hirsch), Бенгт Г. Карлссон (Bengt G. Karlsson), Бенедикт Кингсбери (Benedict Kingsbury), Арнольд Крупат (Arnold Krupat), Франческа Мерлан (Francesca Merlan), Синтия Прайс Коэн (Cynthia Price Cohen), Ари Коэн (Ari Kohen), Рональд Низен (Ronald Niezen), Луис Родригес Пинеро (Luis Rodriguez Pinero), Эльвира Пулитано (Elvira Pulitano), Эдди Синот (Eddie Synot), Юрий Слезкин (Yuri Slezkine), Ли Свепстон (Lee Swepston), Крис Теннант (Chris Tennant), Джереми Уолдрон (Jeremy Waldron) и многие др.

В российской науке теоретико-методологические, исторические, этнокультурные и конкретно-практические проблемы изучения коренных народов нашли отражение в исследованиях целого ряда ученых, представляющих самые разные дисциплинарные области и прикладные сферы деятельности: А. С. Автономов, К. Ю. Андреев, Л. В. Андриченко, М. М. Андрусова, Л. Е. Бандорин, Л. И. Бахтеева, М. В. Белозерова, И. Блищенко, В. И. Булатов, Л. Н. Васильева, Р. Ш. Гарипов, Д. Р. Гиляева, П. В. Гоголев, А. В. Головнев, С. Н. Горбунов, Я. А. Голобокова, А. П. Гудыма, Р. И. Донской, А. Б. Досакаев, Е. В. Жукова, В. П. Журавель, М. Ю. Задорин, Т. В. Заметина, Ж. Б. Иванова, Я. С. Иващенко, М. Д. Каракетов, З. И. Калугина, К. Б. Клоков, Н. П. Копцева, В. П. Кривоногов, Б. С. Крылов, Д. А. Кудряшова, М. С. Куропятник, О. Е. Кутафин, В. Г. Логинов, Б. А. Молчанов, М. Б. Напсо, М. Д. Напсо, В. Е. Натугев, И. В. Нечаева, Н. И. Новикова, Н. Н. Пименова, И. В. Понкин, Ю. В. Попков, М. В. Рагулина, В. В. Рубан,

1970-х гг. стали возникать специализированные периодические издания — журналы, вестники, альманахи, газеты и обзоры по проблемам коренных народов². В различных этнографических, антропологических, политологических, правоведческих и социологических академических журналах индигенная проблематика также зачастую становится предметом специальных публикаций³.

В мире за последние десятилетия уже создан целый ряд организаций и научно-исследовательских центров, занимающихся изучением, продвижением и защитой прав коренных народов: International Work Group for Indigenous Affairs (Международная рабочая группа по делам коренных народов), Center for World Indigenous Studies (Центр мировых исследований коренных народов), First Nations Development Institute (Институт развития коренных народов), Centre for Indigenous Studies, University of Toronto (Центр исследований коренных народов при Университете в Торонто) и многие др.

Наиболее авторитетная международная площадка для обсуждения всего спектра проблем коренных народов — Организация Объединенных Наций. В 1982 г. в структуре Организации Объединенных Наций была создана Рабочая группа по коренным народам (The Working Group on Indigenous Populations, WGIP), которая являлась главным вспомогательным органом Комиссии ООН по правам человека. Рабочая группа по коренным народам обладала мандатом на рассмотрение событий, касающихся поощрения и защиты прав человека и основных свобод коренных народов, а также изучение эволюции международных стандартов, касающихся прав коренных народов. В 2008 г. Рабочая группа по коренным народам была упразднена и заменена Экспертным механизмом по правам коренных народов (Expert Mechanism on the Rights of Indigenous Peoples). В настоящее время центральным координирующим органом Организации Объединенных Наций по вопросам, связанным с проблемами и правами коренных народов является Постоянный форум ООН по вопросам коренных народов (United Nations Permanent Forum on Indigenous Issues).

Р. Сенчин, С. В. Соболева, З. П. Соколова, С. В. Соколовский, Р. В. Суляндзига, П. В. Суляндзига, Б. А. Схатум, В. С. Тапилина, М. А. Тодышев, В. А. Тураев, Е. А. Тюгашев, Т. Я. Хабриева, С. Н. Харючи, Н. Н. Харючи, С. А. Хрущев, Е. В. Чиркин и многие др.

Современная ситуация в законодательстве о коренных малочисленных народах анализируется в публикациях таких российских специалистов, как А. Х. Абашидзе, Ф. Р. Ананидзе, Л. В. Андриченко, Л. Е. Бандорин, Т. А. Брачун, И. Р. Зиганшин, А. В. Соловьев, А. Н. Пилясов, Р. Ш. Гарипов, М. А. Жуков, Е. В. Жуков, Н. И. Калинин, В. А. Кряжков, Д. А. Кудряшов, Н. В. Минченко, О. Н. Мурашко, А. Е. Постников, П. В. Суляндзига, Д. О. Сиваков, М. Ю. Тихомиров, А. А. Транин, Р. А. Тория, Н. А. Филиппова, С. Н. Харючи, Ю. Я. Якель и др.

² «The Indigenous World», «Journal of Indigenous Studies», «Journal of Indigenous Research», «First Nations Gazette», «AlterNative: An International Journal of Indigenous Peoples», «Journal of Indigenous Nations Studies», «ab-Original: Journal of Indigenous Studies and First Nations and First Peoples' Cultures», «American Indian Culture and Research Journal», «American Indian Quarterly», «Journal of American Indian Education», «Canadian Journal of Native Studies», «International Journal of Critical Indigenous Studies», «Ayaangwaamizin: The International Journal of Indigenous Philosophies», «Aboriginal Policy Studies», «International Indigenous Policy Journal», «Journal of Aboriginal Health», «Tribal College Journal», «Journal of Aboriginal Economic Development», «Indigenous Law Journal», «Native Studies Review, Australian Aboriginal Studies Journal», «Australian Indigenous Law Review», «Canadian Journal of Native Education», «Journal of Educational Research and Indigenous Studies» и др.

³ «Этнографическое обозрение», «Current Anthropology», «Ethnicities», «Journal of Ethnic and Migration Studies», «Journal of Anthropological Research», «Cultural Studies», «International Journal of Cultural Studies», «Journal of Ethnic and Cultural Studies», «Journal of Gender, Ethnic and Cross-Cultural Studies», «Harvard Human Rights Journal», «Cultural Survival Quarterly», «Human Rights Quarterly», «American Journal of International Law» и др.

Особый вклад в деятельность ООН по изучению и защите коренных народов мира принадлежит Эрике-Ирен А. Даес (Erica-Irene A. Daes, 1925–2017), профессору, доктору юридических наук (PhD) Афинского университета, видному специалисту по проблемам греческой диаспоры, авторитетного эксперта в области международного права и правам человека. В 1984–2002 гг. Эрика-Ирен А. Даес являлась Председателем и постоянным докладчиком Рабочей группы ООН по коренным народам, уделяя много внимания изучению коренных народов и их этнокультурному наследию. Эрика-Ирен А. Даес сыграла ключевую роль в провозглашении Международного года (1993) и десятилетия (1995–2004) Поощрения прав коренных народов. За 18 лет работы в качестве эксперта и председателя-докладчика Рабочей группы по коренным народам ООН Эрика-Ирен А. Даес подготовила целый ряд высокопрофессиональных аналитических исследований и многочисленных отчетов, которые весьма способствовали разработке и совершенствованию правовой аргументации в пользу прав коренных народов [31–34]. И, конечно, совершенно исключительная роль принадлежит Эрике-Ирен А. Даес в разработке проекта Декларации ООН о правах коренных народов. Ее роль в подготовке этого проекта столь велика, что даже и после принятия его на Генеральной Ассамблее ООН этот основополагающий документ часто называют «Декларация от Даес» или просто «Декларация Даес»⁴.

«Коренные народы»: от метафоры к термину. Слово ‘indigenous’ («коренные народы/население») можно найти в юридических документах уже первой половины XVI в., и, что особенно важно подчеркнуть, появляется оно *в связи с европейской колониальной экспансией в ходе великих географических открытий*. Одним из первых термин «indigenous» ввел в правовой лексикон Франсиско де Витория (Francisco de Vitoria; ок. 1486–1546)⁵, знаменитый богослов своего времени, последователь Фомы Аквинского, правовед-теоретик, значительно обогнавший свое время, мыслитель и гуманист, политический консультант императора Карла V Габсбурга, один из крупнейших представителей интеллектуального движения XVI–XVII вв. известного под названием «Саламанской школы» или «Второй схоластики» [25, р. 9–13].

В русскоязычном политическом, обыденном, научном и правовом лексиконе XVI–XX вв. в отношении внерусского населения Российского государства присутствовали такие понятия, как «*инородцы*» и «*туземцы*», — в них не вкладывалось

⁴ См.: Justice Pending: Indigenous Peoples and Other Good Causes: Essays in Honour of Erica-Irene A. Daes, 2002.

⁵ По мере осознания масштаба открывавшихся путешественниками территорий и обнаружения там многочисленного туземного населения, в самой Европе стали вспыхивать дискуссии: кому эти земли должны принадлежать и как относиться к аборигенам? Одно из документальных свидетельств такого рода полемики — юридические трактаты Франсиско де Витории «De Indis» и «De Jure belli Hispanorum in barbaros» (1532). В этих работах в связи с доктриной Terra Nullius им обсуждается законность притязаний и захвата европейскими державами земель в Новом Свете. Позиция Франсиско де Витории заключалась в том, что европейские державы не имели права присваивать себе земли в Америке, поскольку они уже были населены и находились под контролем индейцев, являющихся там «indigenous» («коренным народом», т. е. местным населением). Впоследствии во время вальядолидских дебатов 1550–1551 гг. об основах колониальной политики по отношению к аборигенам Нового Света эти взгляды де Витории отстаивал и развивал его последователь Бартоломе де лас Касас (Bartolomé de las Casas 1484–1566), прославившийся в веках благодаря самоотверженным протестам против зверств испанских колонизаторов в отношении коренного населения Нового Света, защите интересов угнетенных индейцев и восхищенному изучению их самобытных культур.

Рискнем предположить, что в архивах Папского Престола в Ватикане («Archivum Apostolicum Vaticanum», в том числе и «Archivum Secretum Vaticanum») можно также найти немало документов, в которых поднимается тема «indigenous».

никаких уничижающих коннотаций, что весьма характеризует именно отношение русских к окружающим народам. В царских указах также неоднократно звучал призыв не чинить «инородцам» никаких притеснений. Ныне эти слова считаются устаревшими и употребляются лишь изредка в определенных контекстах и ситуациях как своего рода архаизмы. В настоящее время в тех же целях, для описания тех же этнических реалий используются разные термины, имеющие в своей основе древнегреческое и латинское происхождение: «автохтонность», «аборигенность» и «индигенность» (на русском языке все эти термины употребляется преимущественно лишь в узкоспециальной научной литературе). Но что такое автохтонность, аборигенность, или индигенность? Эти слова хоть и являются в обыденной речи синонимами, однако далеко не во всех случаях и смыслах. В современном международном праве эти термины, к примеру в англоязычном пространстве или в испанском и французском языках, используются по-разному, с целым спектром значений и нюансами коннотаций (например, «indigenous», «aboriginal», «native» people, «First peoples», «First Nations», «Aboriginal peoples», «autochthonous peoples»). Когда же эти слова превращаются в юридические термины, то возникают различные законодательные нормы, влекущие за собой определенные права и обязанности, преимущества и возможности этих народов.

Чтобы понять, как это происходит, необходим сравнительный терминологический анализ, а также контекстуальная интерпретация и концептуальная проблематизация указанного понятия, объяснения сути различных трактовок его содержания. Это поможет понять, почему обычное слово становится феноменом превращений, требующим особого внимания и рефлексии в определенной исторической ситуации. Проблематизация истории формирования и использования понятий в ряде случаев рассматривается в широком плане как процесс смены картин мира, научных парадигм, которые сопровождают изменение типа культуры, в том числе и его повседневной, привычной сферы. Вместе с тем проблематизация того или иного феномена предполагает прежде всего необходимость такой процедуры, как тематизация. Под *тематизацией* со времен М. Мерло-Понти подразумеваются поиски смысла, определенных значений того или иного термина.

Обратимся к «кустам» первичных значений, смыслов слов «корень», «коренной», поскольку именно они являются той прочной основой, на которой держатся последующие исторические метаморфозы этих смыслов, а также содержательные определения, если слово становится научным понятием и занимает особое положение в системе знаний и социокультурных практиках. Прилагательное «коренной» в отношении к этносам стало использоваться в переносном, метафорическом смысле — *исконный, первичный, устойчивый и постоянный*. Речь шла о народах, существование которых на определенной территории «уходит корнями» в древность или Средневековье, которые прежде других «пустили корни», укоренились на той или иной территории нашей планеты.

Как выше уже отмечалось, в европейских языках есть эквиваленты термину «коренные народы». Во-первых, это слово «аборигены» (от лат. ab origine — «от начала»), которое обозначает «изначальных», «первых» обитателей (людей, животных, растений) какой-либо территории, континента или страны, находящимся там «от начала начал». Данный термин употребляется в отношении к исконным жителям Африки, Америки, Австралии, т. е. тех территорий, которые были открыты и населены европейцами лишь в Новое время.

Во-вторых, это термин «автохтонные народы» (от др.-греч. αὐτόχθων: αὐτός — «сам» + χθών — «земля»), который обозначает принадлежность по происхождению

к данной территории и применяется в отношении к населению, сложившемуся на данной земле. В античной Греции так называли первопоселенцев некой страны или ее древнейшее население. В этом смысле полным аналогом этого греческого по своему происхождению термина выступает русское слово «туземец» («ту(т)» + «земьць», т. е. «происходящий от здешней земли», «тутошный», местный). На волне полемики с миграционизмом и инвазионизмом в 20–30-е гг. XX в. этот термин широко использовался в рамках теорий автохтонности (в том числе у академика Н. Я. Марра). Теперь его применение редко выходит за пределы биологического лексикона (например, утконос — автохтон Австралии, а дикий картофель — автохтон Южной Америки).

В-третьих, это термин «индигенные народы» (от лат. «indigena»: префикс «indu-», «*endo-» — «в» и корень «-genus», «*gene-» — «рожденный от...», «врожденный», «унаследованный»), он обозначает «уроженцев» некой местности или территории, природных жителей своей страны, унаследовавших свой образ жизни и местообитание от предков.

Таким образом, аборигенность, автохтонность и индигенность не являются в строгом смысле синонимами, хотя их значения отчасти и пересекаются. Этимология термина «индигенность» прямо указывает на факт «урожденности» в своем племени, «врожденности» неких отличий, «унаследованности» своих самобытных качеств; происхождение термина «автохтонность» акцентирует наше внимание на факте *связи с землей*, почвой, на которой возник, сформировался тот или иной народ; а «аборигенность» этимологически увязана на «изначальность», «исконность» обитания на определенной территории [20, с. 320–321].

Международное обсуждение проблем «коренных народов» с конца XIX столетия осуществлялось в основном на европейских языках, главным образом английском, испанском, французском и немецком. Наименования «коренных народов» во французском языке — *autochtone, peuples autochtones, groupes ethniques autochtones* — имеют греческий корень. Аналогичные немецкоязычные термины — *Ursprung, Gebürtig, Eingeborene, Einheimische, Ureinwohner, Urbewohner Völker*. В обоих языках на уровне этимологии предполагается, что обозначаемая этими терминами группа первой прибыла на данную территорию и обжила ее. Английский и испанский языки имеют для этого термина общий латинский корень — «indigenae», это слово использовалось в античном Риме для различения тех, кто родился в данном месте, и тех, кто прибыл из других краев («advenaе», т. е. иммигранты). Тем самым корни всех этих терминов, используемых в современном международном праве, имеют семантически один общий концептуальный элемент — *темпоральный приоритет*, т. е. первенство заселения той или иной территории во времени [32, р. 4].

Что же такое «коренной народ» и «индигенность», как их определить? В своем капитальном «Исследовании проблемы дискриминации в отношении коренного населения» (E/CN.4/Sub.2/1986/7 и Add.1–4) специальный докладчик Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств ООН Х. Р. Мартинез-Кобо предложил весьма осторожную предварительную формулировку определения «коренного населения»: «Коренное население — это коренные общины, народы и нации, сохраняющие историческую преемственность с обществами, которые существовали до вторжения завоевателей и введения колониальной системы и развивались на своих собственных территориях, считающие себя отличными от других слоев общества, преобладающих в настоящее время на этих территориях или на части этих территорий. Они составляют слои общества, не являющиеся доминирующими, и хотят сохранить, раз-

вивать и передать будущим поколениям территорию своих предков и свою этническую самобытность в качестве основы для продолжения своего существования как народов в соответствии со своими собственными культурными особенностями, социальными институтами и правовыми системами» (E/CN.4/Sub.2/198 6/7/Add.4, издание ООН). В этом определении сочетаются *элемент отличия*, который характеризует как «коренные», так и «племенные» народы в соответствии со статьей 1 Конвенции № 107 МОТ, и *элемент колониализма*, который в Конвенции № 107 используется для разграничения «коренных» и «племенных» народов. Следует особо подчеркнуть, что Х. Р. Мартинез-Кобо придавал важное значение обеспечению *добровольной самобытности* коренных групп. Этот момент был отчасти учтен при пересмотре Международной организацией труда своей Конвенции № 107.

В современной российской науке — этнологии, этногеографии, истории, демографии, этносоциологии, этнополитологии, фольклористике, этнокультурологии и антропологии — для определения базовых характеристик ряда народов (этносов) Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации стали использоваться (чаще всего в соединении) два понятия — «малочисленные» и «коренные». В российском законодательстве существует особый термин — «коренные малочисленные народы» — и ряд законов, определяющих права этих народов. Понятие «коренные малочисленные народы» отражает именно российскую специфику: данный статус применяется в России только к наиболее социально уязвимой группе народов. Статья 69 Конституции Российской Федерации гласит: «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации». Однако являются ли эти оба слова научными понятиями, точно и емко выражающими общие черты столь разнообразной и вместе с тем специфической группы этносов, которую так обозначают?

С позиций философии *понятие* — это такой способ или форма мышления, в которой отражаются существенные связи и отношения предметов и явлений. Понятие выполняет функцию выделения, выявления общего, которое достигается посредством отвлечения от всех особенностей отдельных предметов данного класса. С логической точки зрения понятие — это мысль, в которой обобщаются и выделяются предметы некоторого класса по определенным общим и в совокупности специфическим для них признакам. Существенно, что понятие имеет конвенциональную основу. Это то, о чем люди договорились, определяя смысл выражений, терминов. В академической среде особенно важно договариваться о том, как именно понимать технические, социальные и другие термины или как выводить новые. Подчеркнем, что у термина (от лат. *terminus* — граница, предел) значение определяется окончательно и не вызывает сомнений. Термины, понятия конструируются для того, чтобы иметь общий язык для обсуждения проблем бытия и познания. Научная практика (философская, филологическая, культурологическая и другие) неоднократно показывали, что не всегда можно договориться о понятиях.

В этом смысле выражение «малочисленные народы» или миноритарные этносы (от лат. *minor* — меньший) может рассматриваться в качестве вполне определенного понятия. Оно предельно точно обозначает тех, кого среди миллиардных, многомиллионных, многотысячных и других разнообразных народов (численность которых колеблется от ста тысяч до двухсот человек) следует считать «малочисленными». В законодательных актах и других правовых документах Российской Федерации есть

определения понятия — число менее 50 тыс. человек. В настоящее время на территории России их количество составляет 45 (совокупно 280 тыс. человек), проживающих во всех макрорегионах России (Дальнем Востоке, Сибири, Алтае, Северном Кавказе, Приуралье, Поволжье, Центральной России и Северо-Западе).

«Коренные народы»: многомерность проблематизации. Рассмотрим некоторые важнейшие, с нашей точки зрения, аспекты проблематизации понятия «коренные народы».

Эпистемологическая проблематизация: Проблематичным прежде всего является сам вопрос о научных критериях «укорененности». Чем «коренные» народы отличаются от всех прочих народов? Что это за свойство — «*быть коренным*»? Что подразумевается под «укорененностью»? Исконность проживания на данной территории? Первичность ее заселения? Какой этнос по отношению к какому нужно считать *коренным*? Кого следует считать *первичным* населением на той или иной конкретной территории, где сейчас живут народы, называемые «коренными»? Кроме того, непонятно, являются ли «коренными» только «малочисленные» народы или «укорененность» распространяется также и на «многочисленные» народы? Тогда какую численность и на каких основаниях следует считать объективным критерием для наделения статусом «коренного малочисленного народа»? Каково значение самоидентификации и самоопределения для обоснования представления народа как «коренного»? Может ли одно определение отразить все многообразие коренных народов различных районов мира? К эпистемологическому блоку проблематизации примыкает широкий и наиболее часто обсуждаемый в специальной литературе круг *терминологических спорных вопросов*: как соотносятся термины «народы» («этнотсы») и «коренные народы», «коренные народы» и «коренное население», «коренные народы» и «этнические меньшинства», «коренные народы» и «несамоуправляющиеся территории», «коренные народы» и «самобытные этнотсы»?

Географическая (пространственная) проблематизация: все народы Земли являются коренными народами нашей планеты, поэтому в каких пределах надо перемещаться, чтобы оставаться «коренным», а за этими границами оказаться «переселенцем»? Как измерять это перемещение — в метрах, километрах или тысячах километров? Что будет критерием того, что первопоселенцы действительно «пустили... корни» на данной территории и что эта земля стала «исконной» зоной их обитания? Какой должен быть масштаб перемещения, чтобы перестать быть на некоей территории *коренным* и стать *мигрантом*?

Темпоральная (временная) проблематизация: согласно современным научным данным, все люди-представители вида *Homo Sapiens* произошли из северо-восточной Африки, а затем распространялись несколькими волнами по всему земному шару. Соответственно возникает вопрос: кого считать «исконными» и «коренными»? В какой момент появляются «коренные» народы в сравнении с «некоренными»? Следует ли считать «исконными» и «коренными» лишь только те аборигенные племена, которые впервые пришли на ту или иную прежде не заселенную человеком территорию? Доподлинно известно, что расселение людей относится к очень далеким временам, лишь острова Тихого океана и Антарктика оставались не заселенными человеком до начала новой эры. Но тогда как можно вычислить прямых потомков этих первобытных первопродходцев, да и есть ли они вообще? Может ли один и тот же этнос существовать тысячи, а то и десятки тысяч лет? Или, говоря о «коренных народах», имеются в виду уроженцы определенной местности, застигнутые на ней европейской колонизацией и зафиксиро-

ванные в исторических источниках? Либо существуют какие-то иные хронологические способы идентификации и обоснования статуса «укорененности»? Все это подводит нас к постановке такого проблемного вопроса: сколько времени нужно прожить на той или иной «исконной» территории, чтобы считаться «коренным народом»? Какую вообще дату, хронологический рубеж или исторический период (и на основании чего?) следует брать за точку отчета, чтобы рассматривать те или иные народы в качестве «коренных» и «исконно» населяющих данную местность?

Субъект-объектная проблематизация: кто должен считать данный народ «коренным» — сам этот народ, другие народы его воспринимать в качестве такого, либо органы власти в стране его проживания или некие международные надгосударственные институты, некие транснациональные корпорации, либо все вместе? Кроме того, насколько сцеплено представление о «коренном» статусе с самим человеком, конкретным представителем того или иного «коренного малочисленного народа»? В случае межэтнического брака утрачивает ли один из супругов свой статус представителя «коренного народа» (например, муж) или, наоборот, этот статус приобретает и второй член супружеской пары (например, жена), не являющейся уроженкой «коренного народа»? Или рассмотрим этот же вопрос персональной сцепленности «коренного» статуса в пространственном отношении: например, один из авторов данной статьи является урожденным представителем шорского этноса (тюркоязычного «коренного малочисленного народа» в юго-восточной части Западной Сибири), сейчас проживает и работает в Санкт-Петербурге, возникает вопрос: утрачен ли в таком случае его статус представителя «коренного народа»? И если да, то когда, как и на каком расстоянии от Горной Шории это «укорененное» качество было им утрачено? Или другой пример: тувинцы-тоджинцы в Тыве считают себя «коренными» жителями, а в Санкт-Петербурге или Москве они уже будут восприниматься как мигранты? Тогда как быть с русскими в Кызыле, столице Тывы: они там могут жить в качестве мигрантов или одного из коренных народов в своей собственной стране, России? Или же тувинцы будут рассматриваться в качестве мигрантов, лишь когда покинут пределы Российской Федерации и попадут, например, на Андаманские острова, в Австралию или Африку? Иными словами, в какой степени персонифицируется «укорененность» или же этот статус имеет отношение лишь исключительно к целому народу, пребывающему на своей «исконной земле» и сохраняющему традиционную культуру? Срачивается ли статус «коренного народа» с тем или иным его представителем, конкретной личностью, и человек с ним путешествует, оставаясь по всему миру коренным?

Функциональная проблематизация: для чего вообще нужен статус «коренного народа»? Если для преодоления исторической несправедливости колониализма, то в какой мере международное сообщество в состоянии это исправить, обеспечив коренным народам права, которые жизненно необходимы для сохранения их идентичности и содействия их экономическому, социальному и духовному развитию при признании их права на своеобразие и уважение к этому своеобразию?

Кто и в каких целях может статус «коренного народа» представлять, использовать, отстаивать и т. д.? Это должно быть выражение внутренних этнических потребностей «коренного народа»? Если да, то в каких формах? Кто имеет право говорить от имени коренного народа? В какой мере коренный народ могут представлять его национальные активисты и энтузиасты, те или иные национально-культурные ассоциации, этнические общины и т. д.? Или эти интересы должны выражать государства, где данные коренные народы проживают? Или права «коренных народов» представлять,

использовать и отстаивать неправительственные организации, транснациональные корпорации и т. д.?

Несмотря на то что в последнюю минуту в Декларацию о коренных народах ООН было добавлено положение о территориальной целостности и политическом единстве суверенных и независимых государств, не дает ли статус «коренного народа» правовую лазейку для запуска сепаратистских тенденций внутри суверенных государств и вмешательства третьих сил во внутренние дела того или иного государства, связанные с урегулированием реальных или мнимых проблем некоего «ущемленного» «коренного народа»? Насколько разрушительными для национальных государств может оказаться реализация прав коренных народов? В настоящее время «индигенный дискурс» бросает вызов национальным государствам сразу на двух уровнях: макроуровне — международных организаций коренных народов, основанных на транснациональной солидарности, и микроуровне — локальных этнических общин, землячеств, национально-культурных ассоциаций и сообществ этноактивистов и т. д. [11, с. 387–396; 12]. Имплантированные в российские законодательные документы и юридическую практику термины «коренной» и «малочисленный» народ зачастую принимаются авторами научных текстов и правовых документов без должного рефлексивного осмысления, хотя порой отмечается, что они не тождественны, часто противоположны по сути и используются нередко в спекулятивных и политических целях (см., например, работы А. Х. Абашидзе, Ф. Р. Ананидзе, Р. Ш. Гарипова, П. В. Гоголева, С. Н. Горбунова, А. Б. Досакаева, М. Ю. Задорина, В. А. Кряжкова, Д. А. Кудряшова, М. С. Куропятник, В. П. Маркова, Н. В. Минченко, Н. А. Лопуленко, В. Л. Лютцера, А. А. Попова и др.).

Политико-правовая проблематизация: какие политические, социальные, экономические и юридические права и обязанности, выгоды и ограничения, возможности и преимущества подразумевает статус «коренного народа»? Какие народы законодательно получают статус коренных и есть ли для этого объективные и убедительные критерии? Какие политико-идеологические модели лежат в основании правового статуса коренных народов? И какие проблемы могут возникнуть при восстановлении в правах на территорию или распределении льгот коренным народам? Являются ли, например, русские «коренным» народом России? Или «коренные народы» лишь те, кто обитал здесь до возникновения России? Правомерно ли разграничивать этносы на «коренные» и «некоренные» между теми, кто живет в национальных республиках России и другими, обитающими в иных административных образованиях страны? Всю остроту проблемы коренных народов и их правового статуса придает именно «укоренение» людей на некоей территории, на которую они или их предки пришли «предпоследними» (известно ироничное «определение» коренных народов как «потомков предпоследних завоевателей»), сама примордиальная привязка народа к почве, заставляющая нас вспомнить И. Г. Гердера и его романтическое определение народа как «единства крови и почвы», дискредитированное идеологами нацизма. Как быть с теми коренными народами, у кого обманом или подкупом местных элит отняли право на родную землю?

Культурологическая проблематизация. Некоторые исследователи, в том числе Хосе Р. Мартинез-Кобо, полагают, что «коренной народ состоит из нынешних потомков народов, которые проживали на нынешней территории всей или части какой-либо страны в момент, когда на нее прибыли из других частей мира лица другой культуры и этнического происхождения, которые покорили их и поставили в зависимое положение путем завоевания, колонизации и других средств...» [ООН, документ E/CN.4/Sub.2/L/566 от 29.06.1972]. Следует ли из этого, что претенденту на статус «коренного

народа» необходимо быть слаборазвитым, кем-то завоеванным и угнетенным другим «доминирующим» этносом? Воспроизводят ли «коренные народы» только доиндустриальные типы общества и культуры, типы ментальности и художественной деятельности? Ряд исследователей считает, что «коренные народы» отличает «мы-сознание» принадлежности именно к этому типу народонаселения на Земле — от индейцев навахо в Северной Америке до чукчей на российском Севере, от лапландцев Скандинавии до бушменов Южной Африки и т. п. Является ли такое «мы-сознание» фундаментальным признаком общности малочисленных народов мира или любого этноса? Итак, относится ли статус «коренного народа» лишь только к этносам, пребывающим на своей «исконной земле» и сохраняющим свою самобытную культуру, традиционный образ жизни и систему хозяйствования? Если да, то тогда на какой момент времени и в какой степени «аутентичности» следует оценивать «самобытность» культуры, «традиционность» образа жизни и системы хозяйствования, ведь культура любого народа меняется и вовсе не только из-за внешних влияний, связанных с колонизацией, научно-техническим прогрессом и т. д.

Культура тех народов, которых именуют «коренными», в каждом случае интересна и оригинальна. Их образ жизни, нравы и обычаи, систему жизнеобеспечения можно назвать традиционными, своеобразными, самобытными, но отнюдь не примитивными. Оговорить последнее необходимо, поскольку еще нередко бытует мнение о существовании народов, «одаренных» способностью воспринимать цивилизацию и лишенных этой способности, более культурных и менее культурных, высокоорганизованных и примитивных. Подобная сортировка народов не просто абсурдна, но и безнравственна, ибо за «примитивностью» той или иной культуры скрывается либо обывательская невежественность, либо этноцентрический снобизм.

Рассмотрение проблемы «коренных народов» в фокусе «историоскопа». Обратимся к некоторым историческим материалам для пояснения и примеров.

Мы не знаем, какие этнические предки современных народов первично жили в древнейший период истории на разных континентах нашей планеты. Ископаемые древние люди каменного века известны нам по скелетным остаткам и археологическим культурам (комплексам орудий, оружия, жилищ, одежды и др.). Считается, что первым населением Европы из рода Номо были палеоантропы — неандертальцы, время существования которых относится примерно к периоду от 200 до 35 тыс. лет назад. И никто не сможет сказать что-либо об их этнической принадлежности и какую этническую связь они имеют с современными народами. Ученые проследили наличие мощных переселений народов, их разновекторные миграции в последующие времена — в эпоху мезолита, неолита, в эпоху бронзы. Однако имена этих общностей нам неизвестны.

В период становления, расцвета и угасания древних цивилизаций (5 тыс. до н.э. — V в. н.э.) тоже происходил процесс активных миграций народов, формирование городов и государств, которые давно и внимательно изучаются в мировой науке. Однако вопросы, связанные с первичностью их появления и исконностью территорий, на которые они «сели» и стали эффективно развиваться, остаются невыясненными.

Например, хорошо изученные шумеры — коренастый, большеглазый, большеносый, очень сметливый народ, создавший в Междуречье Тигра и Евфрата великие города-государства Шумера, — пришли, как смутно упоминается в древних текстах, «со стороны сияния моря». Где же их «корень»? Для какой территории они были «коренным народом»? И кто может претендовать на роль этнических потомков этого «исконного народа»?

Древние индоарии, создавшие «Веды», во II тыс. до н.э. спустились через горные перевалы с северо-запада в «улыбающиеся», по выражению Дж. Неру, долины Инда и Ганга. Их прародиной являлось пространство от Волги до Урала, а их предками — степные светлокожие племена «андроновской общности», говорившие на одном из певучих индоевропейских языков, создавшие монументальные элитные некрополи — курганы, изобретшие боевые колесницы с упряжными лошадьми и замечательное бронзовое оружие (см., например, работы Е. Е. Кузьминой).

В Монголии в глубочайшей Таримской впадине пустыни Такла-Макан еще с начала XX в. стали обнаруживать глубоко под песком десятки городов, поселений, кладбищ, следов земледельческой цивилизации. Загадкой стало происхождение данного населения периода от VI тыс. до н.э. до I тыс. до н.э. Десятки прекрасно сохранившихся в сухих песках женских и мужских мумий отличались высоким ростом (1,8–2 м), светлыми и рыжими волосами, белизной тела и голубыми глазами. Откуда они пришли, куда и почему исчезли — неизвестно... Кто здесь был «коренным» — индоевропейцы или монголоиды — непонятно. Есть самые различные версии современных исследователей об их этнической принадлежности — к степной андроновской общности, к более поздним уйгурам, хуннам, тохарам и др. (см., например, работы А. Г. Каххарова, Р. С. Мирзаева и др.).

Арктические народы тоже мигрировали в разные времена. Следуя знаменитым реконструкциям североведа Ю. Б. Симченко, отметим, что в ситабах (этнических сказаниях) нганасан рассказывается о конфликте, возникшем при встрече двух потоков населения — монголоидов лесотундры — «Коротконосых Сыновей землянок», «державших короткие стрелы», и «Длинноносых», к которым относились «мирные люди с ушами до плеч». По мнению Ю. Б. Симченко, это были монголоидные этносы,двигающиеся вдоль побережья Северного Ледовитого океана, и европеоиды, идущие вслед за тающим ледником с юга по Русской равнине на северо-восток (см., например, работы Ю. Б. Симченко, Л. М. Алексеевой и др.).

Ряд народов, сегодня живущих на территории Южной Сибири (алтайцев, тувинцев, хакасов, шорцев, телеутов, тубаларов, кумандинцев и др.), называют «коренными». Однако задолго до них здесь обитали этносы огромного скифо-сакского горностепного ареала от «Дуная до восхода солнца». Известно массовое передвижение гуннов (хуннов) из Северного Китая в эпоху Великого переселения народов. Вместе с ними пришли авары, «пустившие корни» на Северном Кавказе, болгары и чуваша — на Волге, венгры — на Дунае и т. п.

Этноним «татары» впервые появился в VI в. среди монгольских племен, обитавших к юго-востоку от Байкала. В XIII–XIV вв. после монголо-татарских нашествий это название было распространено на некоторые народы, входившие в состав Золотой Орды. Казанские татары, сложившиеся к концу XIX в. в нацию, считают себя коренными в местах, где когда-то проживали волжские болгары.

Монголоязычные калмыки, ведущие свое происхождение от ойратов Джунгарии, часть которых в конце XVI в. переселилась в Нижнее Поволжье, тоже считаются коренным народом. В связи с этим правомерно ли относить русских, живущих, к примеру, в Сибири, к некоренному населению, если они «пустили корни» там около 400 лет назад, примерно тогда же, когда калмыки в Поволжье?

Современные исследования показали, насколько активно на разных этапах истории перемещались в пространствах Сибири и Дальнего Востока «коренные» народы, «идущие за оленем» и «ожидающие путину», и как они глубоко взаимодействовали

с другими этносами этого региона от тундры до Амура, перемешиваясь с ними, меняя адаптацию к природе, социуму, обогащая свой арсенал культурной устойчивости (см., например, работы Я. С. Иващенко). Где именно их корни?

На Американском континенте, в Австралии, Новой Зеландии, о. Тасмании имели место систематические крупномасштабные переселения европейцев, со специфической историей завоевания в XVI – начале XX вв., в результате чего были истреблены или частично вытеснены на другие территории многие местные народы, пустившие здесь корни еще в каменном веке (примерно 26–20 тыс. лет до н.э.). Переселившиеся в Австралию и живущие здесь более двух веков европеоиды ныне считают себя тоже укоренившимися.

В Африке, как и в Азии, не ко всем исконным этносам применяется выражение «коренные народы», а лишь к тем, которым угрожает опасность и которые не являются доминирующими. Это, например, народы сан (бушмены) в пустыне Калахари и мбати (пигмеи) во влажных тропических лесах Центральной Африки, традиционный образ жизни которых все больше подвергается отрицательным воздействиям со стороны поселенцев. Большинство африканских государств, в частности, тропическая экваториальная Африка, вообще существующей концепции коренных народов не признает, полагая, что все народы Африки являются коренными.

Согласно данным ООН, в мире насчитывается около 300–350 млн представителей так называемых «коренных» народов, проживающих в 72 странах. Примерно 70% из них приходится на государства Азии, в частности Индии, Ирана и Ирака. Вместе с тем многие ученые Азии, так же как и Африки, не приемлют сложившееся в западной доктрине определение понятия «коренной народ» и предлагают ограничить его применение в отношении к исконным народам Австралии и Америки [28, p. 13]. В частности, Бангладеш и Индия заявили, что не могут определить, кто является более коренным среди народов, населяющих эти страны [49, p. 696–710].

Пояснения и примеры сомнительности и несостоятельности использования выражения «коренные народы» в качестве научного понятия, определяющего специфику малочисленных народов, можно значительно дополнить. Однако и приведенных здесь примеров, как нам кажется, вполне достаточно, чтобы осознать всю *относительность* термина «коренной народ». Это выражение, на наш взгляд, вообще не является понятием и тем более научной категорией (от греч. *katēgoria* — высказывание, признак) — наиболее общим и фундаментальным понятием, затрагивающим существенные свойства рассматриваемых народов, их отношения к природе, обществу, человеку, к другим социумам, к Богу, к самому себе.

Еще в 1996 г. Э. И. Даес подчеркивала, что за все годы аналитической работы в должности Председателя-докладчика Рабочей группы по коренным народам ООН ей так и не удалось обнаружить убедительной аргументации для разграничения «коренных» и «племенных» народов в практике или прецедентах Организации Объединенных Наций. Она также многократно высказывала сомнение в том, что вообще имеется какое-то особенное различие между «коренными» народами и «народами» в целом, помимо того, что группы, обычно определяемые как «коренные народы», не имели возможности осуществлять право на самоопределение путем участия в строительстве современного государства-нации. В итоге Э. И. Даес приходила к выводу: «Никому не удалось разработать определения “коренных народов”, которое было бы четким и внутренне действительным с философской точки зрения и при этом удовлетворяющим требованиям ограничения его регионального охвата или юридических послед-

ствий. Все прежние попытки достижения в одном определении и четкости, и ограниченности на деле привели к еще большей расплывчатости» [Daes, E/CN.4/Sub.2/АС.4/1996/2, р. 22]. Более того, сами представители «коренных народов» неоднократно представляли в ООН совместные обращения и резолюции по концепции и определению понятия «коренные народы», в которых они категорически отвергали любые попытки дать универсальную дефиницию понятию «коренные народы» [Daes, E/CN.4/Sub.2/АС.4/1997/2, р. 2].

Чем больше углубляешься в анализ, тем больше убеждаешься, что рассматриваемое понятие не только не является эвристически значимым в научном отношении, но и часто используется в масштабном социокультурном мифоконструировании, в политических и геополитических целях, в нагнетании межэтнических конфликтов, в разжигании национальной вражды и других подобных ситуациях. Это сомнительное понятие антиисторично и опасно для процесса сохранения мирного и устойчивого существования народов внутри государств и между ними. Оно вообще противоречит гуманистической идеологии самосохранения человечества. Нет ничего удивительного в том, что многодесятилетние целенаправленные попытки интеллектуальной элиты ООН и лучших ученых всего мира выработать универсальное и всеобъемлющее определение представлений о «коренных народах» оказались безрезультатными, многочисленные дискуссии на эту тему окончились благоразумным отказом давать какую-либо дефиницию этому термину даже в тексте Декларации ООН о правах коренных народов. Это случай абсолютно экстраординарный во всей мировой юридической практике — принимать основополагающий международный документ, касающийся судеб сотен миллионов человек, без какого бы то ни было определения самого предмета его действия! Тем не менее это было мудрое и конструктивное решение, основанное на всем опыте Рабочей группы по коренным народам ООН, — не тратя время на тщетные поиски дефиниции некой мифической «укорененности» народов, заняться правовым обеспечением действенной и эффективной системы поддержки самих самобытных этносов, испытывающих различные трудности и нуждающихся в международной защите своих прав.

А теперь зададимся вопросом: почему же столь сомнительный и скользкий термин, как «коренной народ», так активно и упорно используется в описаниях особой статусной истории того или иного народа, в художественной и научной литературе, в официальных документах и практиках влияния на межэтнические процессы? Имеются веские основания предположить, что в значительной мере это связано с глобальным масштабом социокультурного мифоконструирования XX и начала XXI вв. Отсутствие надежных оснований в исторической идентичности, переживание экономических, политических и мировоззренческих кризисов порождают потребность в экспликации различных модусов мифологизации истории своей расы, этноса, особых личностей, в том числе в модусах своей извечной укорененности на данной земле, исконности своего права на ее обладание.

Наиболее последовательно идея функционально-инструментальной интерпретации мифа и ее использования в современной культуре представлена в трудах Мирче Элиаде. На материале изучения культуры традиционных обществ он показал, что фундаментальным действием в демонстрации тем или иным родом или племенем легитимности своего присутствия на освоенной территории и владения ею, было рассказывание мифов, что есть своеобразный возврат к своим корням, истокам, архетипам сознания, как бы к совершенству. Подобные версии и механизмы социального мифот-

ворчества существовали и в истории государств XX в., инспирируемые тоталитарными идеологиями и подпитывавшими национально-политическое мифоконструирование. Достаточно вспомнить мифомистическую идеологию нацизма с ее идеей превосходства нордической расы и ее правом господствовать над народами, а также кровавой реализацией этой идеи, стоившей жизни десятков миллионов людей.

Сегодня мы тоже все чаще сталкиваемся с историческим ревизионизмом, попытками пересмотреть оценки ключевых событий прошлого, подверстать их под сегодняшние конъюнктуры, тщеславные амбиции и задачи политиков. Мифологизация истории создается современными технологиями, суть которых сводится к целенаправленному воздействию на человека, чтобы сориентировать его сознание определенным, заранее спланированным образом. Во многом по причине высокой информатизации современного общества данные технологии позволяют моделировать ценностно-смысловую и поведенческую сферу человека максимально быстро и эффективно. Смысловая трактовка ключевых событий актуализирует и формирует эмоциональные реперные точки для массового сознания, рационализирует и легитимирует нужные политические и идеологические установки. Исторические мифы, в том числе и миф о «коренных» и «некоренных» народах, — это информационное обеспечение, оптимально заточенное под определенную политику...

В России особенно активно стало использоваться понятие «коренные» в отношении к малочисленным этносам лишь в эпоху перестройки в либеральной прессе. Хотя даже зарубежные специалисты признавали, что «в юридически строгом понимании этого термина коренных народов на территории СССР нет» (цит. по: [27, р. 375]). И это было совершенно верно, если исходить из того факта, что использование выражения «коренные народы» уместно лишь в контексте колониальных или постколониальных отношений, соответствующих дискурсов и специализированных исследований на эту печальную тему.

Лишь изредка в русскоязычной литературе встречалось словосочетание «коренное население». Так, например, его иногда употреблял академик Н. Я. Марр (1864–1934), разработавший свою особую теорию автохтонности: многократно происходящие в истории миграции неизбежно приводят к смешению пришельцев с прежними обитателями, потомки этих многовековых межэтнических наслоений как раз и являются к настоящему времени и на определенной территории «*коренным населением*», несущим в себе (в актуальной или латентной форме) все многослойное наследие этих культурных скрещений, таков генезис любой автохтонной культуры (см., например, «Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси», «Суоми-карельские и сомех-картские языки», «Сухум и Туапсе» и другие его работы)⁶. После разгрома И. Сталиным марризма какое-либо развитие этих идей было осуждено и о термине «коренное население» в этом смысле вообще почти не вспоминали.

В советском послевоенном законодательстве вплоть до середины 1980-х гг. использовались словосочетания «народности Севера», или «малые народности Севера», и лишь затем они стали вытесняться фразой «малые народы Севера, Сибири и Дальнего Востока». Все эти термины соответственно переводились на английский язык, как

⁶ Вот одна из показательных цитат Н. Я. Марра, которая дает понять, что он подразумевал под «укорененностью»: «Корни или основы только появляющихся культурных явлений, как и созидающий их дух, находятся в среде именно своего времени, но связи этих основ могут увести нас далеко, очень далеко, дальше древнего и древнейшего цивилизованного мира, приведя нас к предисторическим и доисторическим временам, родоплеменные пласты и общественные творческие элементы которых, как и пережитки древних языков, все еще продолжают сохранять свою жизненную силу в массе народа» [13].

«minority peoples», «small-numbered peoples of the North», «small-numbered tribes of the North», «numerically small peoples of the North, Siberia and the Far East».

После разрушения СССР Россию и все остальные постсоветские национальные республики наводнили зарубежные специалисты по национальным и культурным вопросам, разного рода организации и миссионеры, которые активно занялись «просвещением» «коренных народов», — как впоследствии оказалось, в целях экономической выгоды и политической децентрализации, стимулируя распространение архаичных форм мировоззрения, подстрекая их к автономизации и межэтническим конфликтам [5, с. 43–47]. Само словосочетание «коренные народы» проникает в российскую официальную документацию лишь в 1992 г., легализуясь в президентских указах, подписанных Б. Ельциным⁷. С 1993 г., с принятием новой Конституции РФ, в юридическую практику вошло терминосочетание «*коренной малочисленный народ*», которое повторяется вместе с соответствующей формулой о разделении полномочий в текстах многих республиканских конституций — Адыгеи (ст. 54, п. 1), Бурятии (ст. 62), Коми (ст. 64, п. м), Мордовии (ст. 62, п. м), Якутии (ст. 42) и др. Помимо этого, отсылки к титульным народам как к коренным содержатся, например, в Конституциях Дагестана (ст. 5) и Коми (ст. 3) [21, с. 59–76; 9]. Так через ельцинские указы, «сверху», без какого бы то ни было научного, экспертного и общественного обсуждения в русскоязычный лексикон был законодательно имплантирован совершенно чужеродный и искусственно сконструированный термин «коренные народы», несущий в себе совершенно не соответствующий российским историческим реалиям постколониальный дискурс и конфликтогенный потенциал трактовок.

Симптоматично, что в бывших советских республиках в результате суверенизации и необходимости строить свое национальное государство возник огромный интерес к познанию собственных «корневых» истоков, созданию художественных произведений на мифологические темы в контексте *ностальгии по истокам* (см., например, последние работы Л. М. Мосоловой). Само по себе обращение народов к своей мифологии и легендированию выдающихся событий и героев закономерно и очень важны не только для понимания прошлого, но и для обретения современного национального самосознания, идентичности (С. А. Яровенко).

Другое дело, когда с помощью псевдомифологии происходит фальсификация истории этносов и их современной реальности и когда эта фальсификация заинтересованными силами направляется на решение своих геополитических задач. В этом отношении подразделение народов на «коренные» и «некоренные» используется этими политическими силами чаще всего в функции «яблока раздора» как внутри страны, так и между государствами. В этом отношении показательны события на юге Киргизии в г. Ош в 2010 г. Здесь тогда столкнулись жители киргизской и узбекской национальности, которые вначале участвовали в бурных спорах о том, кто из них — узбеки или киргизы — являются автохтонным населением Ошского региона, кому принадлежит территория и какими правами разные группы обладают. Известные факты о том, что как земледельцы долины, так и номады Ферганского хребта и Памирских предгорий обитают здесь с III–II тыс. до н.э. не возымели действия. Столкновения приобрели крайние

⁷ Указ № 118 от 5 февраля 1992 г. с предложением о ратификации Конвенции Международной организации труда № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» и Указ № 397 от 22 апреля 1992 г., содержащий распоряжение о подготовке до конца 1992 г. и внесении в Верховный Совет РФ проектов законов «О правовом статусе коренных народов Севера» и «О правовом статусе национального района, национального сельского и поселкового Советов, родовых и общинных Советов коренных народов Севера».

формы благодаря подстрекательству радикалов и их советчиков извне. Противостояние переросло в настоящее побоище. Были сожжены дома, магазины, машины, убито 155 и ранен 845 человек.

Результаты и обсуждение. В ходе исследования были обнаружены глубокие противоречия в интерпретациях феномена малочисленных коренных народов в трудах зарубежных и российских авторов, а также отсутствие четких и аргументированных критериев отнесения тех или иных этносов к числу коренных. Как правило, этими терминами оперируют без должного рефлексивного осмысления не только представители широкой общественности, но и ряд специалистов, исследующих те или иные этносы. В международном и российском законодательстве представления об «укорененности» одних народов по отношению к другим и вытекающих из этого прав и обязанностей до сих пор не приобрели убедительной и однозначной юридической трактовки.

Особенно многозначным, расплывчатым и нечетким по содержанию, а также противоречивым по сущностной интерпретации в разных государствах является понятие «коренные народы». Его толкование в значительной мере зависит от исторической архитектуры существования этносов на разных континентах, от их присутствия в различных общественных системах, а также от их социально-культурной типологии и других детерминаций. Так и остается открытым вопрос, кто же в современном глобализованном мире соответствует критериям «подлинно коренных», это лишь усиливает наш скептицизм относительно понятия «коренные народы» как универсального или же релевантного только в определенном этнополитическом контексте [11, с. 393]. Между тем термин «коренные народы» весьма актуализировался в современном мире, и от его понимания или непонимания зависит реальное существование конкретных народов, развитие их культуры жизнеобеспечения и ментальных ориентаций, а также роль и статус в межэтническом взаимодействии как внутри государства, так и за его пределами. В этой связи можно прийти к выводу о необходимости терминологической ревизии, «санации», «дезинфекции» или даже «дезинсекции» от вводящих в заблуждение понятий и вредоносных представлений в гуманитаристике, общественной публицистике, этнополитической практике и нормативно-правовой документации. Необходимо проявлять крайнюю осмотрительность в использовании столь неопределенных терминов, поскольку за ними стоят потенциальные инструменты манипуляции.

Выработка Декларации о коренных народах ООН является итогом трудного процесса на протяжении более чем двадцати лет. И хотя принятие данной Декларации явилось значительным событием, ее текст не был принят консенсусом, поскольку не были учтены интересы всех государств, где проживают **многочисленные** коренные народы (представители США голосовали против, а представители РФ — при голосовании воздержались). Тем не менее Декларация уже оказала большое воздействие на моральное состояние коренных народов. В ней устанавливается важное правило обращения с ними, и она является мощным средством ликвидации несправедливости, дискриминации, маргинализации и нарушений прав человека, от которых коренные народы страдали в течение столетий. Она является также знаковым событием, опираясь на которое правительства и коренные народы будут сотрудничать в создании новых равноправных, демократических, конструктивных отношений и плодотворного сотрудничества. Хотя право на самоопределение, установленное в статье 3-й Декларации, имеет для коренных народов кардинальное значение, оно не несет в себе права на сепаратизм. Напротив, статья 46-я Декларации четко предусматривает уважение принципов территориальной целостности и политического единства суверенных и независимых государств.

В международном праве за коренными народами признается только право на внутреннее самоопределение. В этой связи Ф. Р. Ананидзе резонно подчеркивает: «...право на самоопределение коренных народов не означает автоматическую сепарацию и создание своего государства и в настоящее время сводится к праву на развитие, то есть решение тех социально-экономических, культурных и других проблем, с которыми сталкиваются коренные народы» [2, с. 55]. Формой осуществления права на самоопределение может являться предоставление коренным народам широкой автономии, благодаря этому обеспечивается сохранение их традиционного образа жизни и этнокультурных особенностей [4; 13–16].

В данной статье были осуществлены аналитические процедуры проблематизации и тематизации рассматриваемых терминов для выявления их содержания и смыслов и показано отсутствие работ с попыткой метадисциплинарной генерализации как общих черт малочисленных народов, так и процедур генерализирующей индивидуализации (Э. С. Маркарян), важно выйти на более высокий уровень обобщения знаний о специфичности и уникальности малых народов планеты — «чтобы за деревьями был виден лес». Это открывает этнокультурологическую перспективу для продолжения предложенного здесь начального этапа исследования.

Авторы статьи, рассмотрев серию миграций больших и малых народов на всех этапах истории от древности до XX в. в разные регионы мира, выяснили, что смена территорий их обитания в периоды большой длительности являлась перманентным историческим процессом. На протяжении всей истории человечества отдельные этнические группы и порой даже целые народы по тем или иным причинам меняли места своего проживания, переселяясь во многих исторически зафиксированных случаях на уже заселенную другими народами территорию, вступая в контакт с этими народами и вырабатывая в каждом случае различные (конструктивные или деструктивные) формы взаимодействия. На исторических материалах мы видим, что миграционные волны одна за другой образуют на той или иной территории своего рода разновременные этнокультурные слои, которые могут приобретать различные конфигурации и вступать между собой в самые разнообразные отношения. Так было в прошлом, эти процессы продолжают в настоящем, и имеются все основания предполагать, что так будет происходить и в будущем. Определенное значение термин «коренные народы» имеет лишь в рамках колониального и постколониального дискурса, вне этих пределов данный термин либо эвристически малосодержателен, либо приобретает инструментально-ангажированный и даже спекулятивный характер. В этом смысле со всей очевидностью вскрывается *релятивистский* и даже *конъюнктурный* подтекст апелляции к «укорененности» того или иного народа на некоей территории и вытекающих из этого политических или экономических притязаниях. Тем не менее расплывчатость и сомнительность термина «коренные народы», как ни странно, не препятствует его использованию в научных дискурсах, в решении проблем идентичности, в этнополитической, социально-экономической и международно-правовой сферах. Авторы выявили, что это обусловлено процессами мифоконструирования национальных историй малыми и большими народами и в определенной мере геополитическими интересами.

Обсуждение практик мифологизации национальных историй показало, что они активизируются в связи с системными кризисами, которые порождают потребность в использовании мифологических модусов истории своего этноса и своих выдающихся личностей. Существенно, что обращение к мифологизации своих прародин и своей исконной укорененности на занимаемой территории — явление, можно сказать, законо-

мерное для многих этносов, а для малых народов в особенности. В этом смысле крайне важно способствовать формированию у малочисленных самобытных народов позитивного образа собственной истории, того, что некоторые исследователи называют «*клинотерапией*» (Б. Н. Миронов), необходима оперативная диагностика и предотвращение вброса разного рода «ментальных вирусов», шлама «массовой культуры», ксенофобских «микробов», устранение комплексов по поводу «малочисленности» или «отсталости». В этом отношении важной формой самоорганизации подлинных энтузиастов самобытных этносообществ являются неправительственные организации коренных народов: Ассоциация коренных, малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, Инуитская Циркумпольная Конференция, Союз саамов, Информационный центр коренных народов России «L'auravetl'an», Информационно-правовой центр коренных малочисленных народов Севера, Союз коренных народов Руси и т. д. Все это очень разные общественные объединения, тем не менее они выступают конституционно-правовой формой институционализации коренных народов, выявления их действительной воли, реализации коллективных прав и законных интересов. В ситуации, когда данные народы в силу разных причин лишены возможности иметь собственные государственные или муниципальные образования, ключевым нормативно-правовым способом осуществления коллективных прав коренных народов является признание соответствующего статуса их общественных объединений [7; 8; 12; 18; 19; 23].

Критический анализ применения в современных науках и правовых документах термина «коренные народы» позволил сделать вывод о том, что он не отвечает критериям научного понятия или категории, зачастую он связан с *мифоконструированием* национальных историй. Его использование как инструмента научного познания и навигатора социально-политических или национальных ориентаций не является эвристически перспективным. В контексте регуляции межэтнических взаимоотношений термин «коренные народы» таит в себе конфликтогенный потенциал и может выступить опасным оружием в арсенале радикальных сил и тех, кому их действия политически выгодны. Материалы и выводы статьи представляют практическую значимость для защиты адекватных ценностно-смысловых ориентиров малочисленных народов, уточнения научной и правовой терминологии в области межэтнических взаимоотношений, повышению эффективности этнокультурологической, этнополитологической и этносоциологической экспертизы.

Заключение. Таким образом, критический анализ применения в современных науках, правовых документах и социокультурных практиках терминов «малочисленные народы» и «коренные народы» позволили сделать следующие выводы.

Термин «малочисленные народы» следует отнести к научному понятию или категории, так как в нем отражаются существенные особенности бытия этих народов, благодаря которым их можно выделить среди всех других. В этом понятии среди миллиардных, миллионных и разных многотысячных народов предельно четко определяются те этносы, которые называют малочисленными. Это понятие, как и все научные понятия, имеет конвенциональную базу (число — менее 50 тыс. человек).

Термин «коренные народы» не обладает непротиворечивой конвенциональной основой, в нем не отражается корневой топохрон всех малочисленных этносов планеты, он эвристически сомнителен. Поэтому бессмысленно его использование и как *терминологического инструментария* в научном познании, и как *когнитивного навигатора* в системе этнокультурных или этнополитических ориентаций. Вместо него авторы предлагают использовать термин «*самобытные народы*» или в крайнем случае

«автохтонные этносы», имея в виду именно акцент на этнокультурной самобытности и своеобразии, а не пресловутой «укорененности». «Самобытные этносы» — это те народы, которые сохранили (или пытаются восстановить) и готовы отстаивать свой самобытный исторически сложившийся образ жизни, духовную культуру, ценности, собственное месторазвитие, промысловую территорию, систему хозяйствования, традиционную систему воспитания и т. д. Наше предложение тем более оправдано, что единственный пункт, в котором сходились все многочисленные попытки дать емкое определение «коренных народов» и специфических особенностей «индигенности», — это именно *этнокультурная самобытность*, все остальные признаки оказывались либо вариативными, либо несущественными, либо конъюнктурными, либо оспаривались самими представителями тех или иных «коренных народов».

Право народов на этнокультурную самобытность свободно от каких бы то ни было территориальных притязаний, оно призвано не только обеспечить условия сохранения и развития этнокультурной самобытности внутри суверенных государств (не нарушая их территориальной целостности), но и защитить этнические сообщества, проживающие за пределами государства (территории) происхождения. Ведь именно проживание вне Родины, вне своего исконного месторазвития, т. е. территории происхождения, отсутствие возможности ассоциировать и идентифицировать себя с ней делают этнические меньшинства особо уязвимыми. Поэтому следует рассматривать *право на этнокультурную самобытность* как особое право малых этнических сообществ, призванное защищать их *коренные интересы*. Поэтому если и имеет смысл говорить о «коренных народах», то разве что лишь в этом значении, как *народов, соблюдающих свой коренной интерес*, т. е. сохраняющих и развивающих потенции, заложенные в своей *родной самобытной культуре* (см. работы М. Б. Напцо).

Таким образом, вместо принципов *Jus sanguinis* («право крови») и *Jus soli* («право почвы») мы предлагаем ввести в индигенный дискурс и решительно отстаивать на практике *Jus ad identitatem*, т. е. *коренное для каждого народа право на этнокультурную самобытность*, «право на инаковость». Этот принцип мог бы в этнокультурологическом отношении существенно дополнить и конкретизировать *Jus gentium* («право народов»), *Jus inter gentes* («право между народами») и *Jus communicandi* («право межчеловеческого общения / обмена») с их критериями «добросовестности» («*bonae fidei*») и «справедливости» («*aequitas*») при решении всего многообразия вопросов, которые затрагивают притесняемые этносы и этнические меньшинства во всем мире⁸. Без соблюдения *Jus ad identitatem* любые разговоры о правах на территории, контроле над природными ресурсами, экономических преференциях и социальных льготах — пустая фикция, популизм или инструмент политической манипуляции. Малочисленным самобытным народам нужны не мелкие подачки, какие-то локальные резервации или навязанные льготы, которые в конечном итоге дорого им обходятся. Народам, сохранившим свой традиционный уклад и неповторимые стереотипы поведения, нужны подлинные и нерушимые гарантии неприкосновенности своей самобытности и создание всесторонних условий для обеспечения того образа жизни, который завещан им предками и который они готовы поддерживать и отстаивать в настоящем и будущем. Право быть и оставаться самими собой, жить на земле своих предков, сберегая свою традиционную систему хозяйствования и свою промысловую территорию; право самим выбирать, что у кого заимствовать, как и в какой мере это делать, а может быть и право самим решать, чем поделиться из своего уникального духовного опыта, способов жизнеобеспечения

⁸ Об этом еще в XVI в. размышлял Франсиско де Витория.

и бережного отношения к природе. У сохранивших свою самобытность народов можно и сейчас многому поучиться современным людям, попавшим в цивилизационный «капкан» ненасытного потребительства со всеми вытекающими из этого последствиями.

Мы солидарны с М. Б. Напсо, что социальными условиями, обеспечивающими реализацию этнонациональных интересов, следует считать как соответствующее право человека (право на этническую идентификацию), так и право народа на этническую идентичность и иные права народов. Однако реализация культурных прав лишь на индивидуальном уровне, отдельными людьми, не позволяет сохранить уникальность культуры во всем ее многообразии и полноте. Для этого, отмечает М. Б. Напсо, необходима *защита самих этнических групп* как носителей самобытных культур, что требует соответствующих прав народов [15, с. 20–25]. Именно это имел в виду Л. Н. Гумилев, когда предостерегал от «культурологической аберрации», при которой памятники культуры выступают единственным источником сведений о народе, единственным идентифицирующим критерием этничности. Он подчеркивал: «...охранять культуру, не охраняя этнос, бессмысленно. Культура ведь плодотворна тогда, когда она живая, органически связанная с жизнью ее носителя» [10, с. 27–28]. Поэтому следует всемерно способствовать действиям национальных правительств и наднациональных структур ООН, направленным на сохранение этнокультурной самобытности народов мира и охрану ареалов их обитания. Вместе с тем не следует изолировать или как-то отчуждать индигенные этносы, наоборот, необходимо предоставлять им самые широкие возможности для самореализации, выстраивания культурного диалога с окружающими народами, взаимного культурного обмена и духовного обогащения, открывать им возможности для самых разнообразных форм репрезентации своей культуры, но без какого-либо ущерба для своего своеобразия и самобытности.

В этой связи мы полагаем, что термин «коренной народ» представляет собою *концепт* — сгусток смыслов конкретной культуры определенного народа. Они выражаются не в строго научных понятиях, а в словесных образах, метафорах, в материальных объектах. В концептах представлена конкретно-образная составляющая ментальности того или иного этноса, или как говорил И. Г. Гердер, «*Дух народа*» («*Volksggeist*»). Более того, мы приходим к заключению, что индигенный дискурс и сам концепт «коренных народов» обладают *конструирующим потенциалом*, способным в значительной мере мотивировать, ориентировать, программировать, проектировать, конфигурировать — одним словом, «выстраивать» этнокультурную и социально-политическую реальность в том или ином локальном регионе. Весь вопрос только в том, чтобы это было выражением внутренних этнических потребностей, именно *коренных интересов* самобытных народов, а не просто корыстных амбиций националистически ориентированных активистов и неких транснациональных неправительственных организаций. Вследствие этого необходимо провести концепт-анализ индигенности, а также различных индигенных моделей, представлений о коренных народах, способов манипуляции индигенным дискурсом и т. д., что мы и предполагаем сделать в следующей нашей статье.

В заключение подчеркнем, что главная и болевая черта рассматриваемых народов — это именно их малочисленность и вследствие этого — трудности и сложности их существования, сохранения и развития их традиционных культур в условиях современной цивилизации. Памятуя слова Чингиза Айтматова, спросим: «*А разве есть на земле народ, который не хотел бы быть вечным?*» Вопрос риторический... Малочисленные этносы, равные всем народам по своей уникальности и бесценные по многообразию культурно-исторического опыта, нуждаются в адекватном научном изучении, во все-

мерной заботе и поддержке со стороны государств и международных правозащитных организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Абашидзе А. Х., Ананидзе Ф. Р.* Правовой статус меньшинств и коренных народов: международно-правовой анализ. М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 1997. 224 с.
- 2 *Ананидзе Ф. Р.* Международно-правовые проблемы защиты прав коренных народов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 190 с.
- 3 *Бикбов А. Т.* Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. 2-е изд. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2016. 429 с.
- 4 *Гарипов Р. Ш.* Защита коренных народов в международном праве. Казань: Центр инновационных технологий, 2012. 256 с. // Ruslangaripov.com. URL: <http://ruslangaripov.com/wp-content/uploads/2015/08/Ruslan-Garipov.-Monograph-Book.-Indigenous-Peoples-in-International-Law-2012.pdf> (дата обращения: 01.02.2021).
- 5 *Голобокова Я. А.* Неправительственные иностранные организации как инструмент воздействия на коренные малочисленные народы Севера России // *Власть*. 2009. № 3. С. 43–47.
- 6 *Горбунов С. Н.* К вопросу об определении понятия «коренной народ» в международном праве // *Право и общество: сб. науч. тр.* Архангельск: Изд-во Архангельского гос. технич. ун-та, 2009. С. 33–42.
- 7 *Горбунов С. Н., Задорин М. Ю.* Коренные народы и устойчивое развитие. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, 2014. 358 с.
- 8 *Зиганшин И. Р.* Конституционно-правовой статус общественных объединений коренных народов арктических государств: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 192 с.
- 9 *Кряжков В. А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010. 559 с.
- 10 *Куркчи А.* Диалог ученых: Каков феномен культуры малых народов Севера: Л. Н. Гумилев и А. П. Окладников // *Декоративное искусство СССР*. 1982. № 8. С. 27–28.
- 11 *Куропятник М. С.* Индигенность в контексте глобализации: эпистемологический и социокультурный аспекты // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. 2019. Vol. 19, № 3. С. 387–396.
- 12 *Куропятник М. С.* Коренные народы в процессе социокультурных изменений: дис. ... д-ра социол. наук. СПб., 2006. 360 с.
- 13 *Марр Н. Я.* Армянская культура: ее корни и доисторические связи по данным языкознания / пер. с арм.; предисл. О. Т. Ганалаяна. Ереван: Айастан, 1990. 53 с. URL: <http://www.iatp.am/culture/articles/marr.html> (дата обращения: 01.02.2021).
- 14 *Нансо М. Б.* О специфике регламентации права на самобытность для коренных народов и меньшинств // *Актуальные проблемы российского права*. 2008. № 1 (6). С. 38–44.
- 15 *Нансо М. Б.* Право на этническую идентичность: правовые и социально-философские аспекты признания в современных условиях // *Государство и право*. 2011. № 8. С. 20–25.

- 16 *Hanco M. B.* Право народов на различие // Вопросы теории и практики российской правовой науки. Мат. IV междунар. науч.-практич. конф., март 2008 г., г. Пенза. Пенза: АНОО «Приволжский Дом знаний», 2008. С. 173–176.
- 17 *Hanco M. B.* Современный взгляд на роль и значение права на самобытность // Закон и право. 2008. № 2. С. 37–40.
- 18 *Пименова Н. Н.* Механизмы социокультурных изменений коренных этносов Севера и Сибири: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2015. 183 с.
- 19 *Соколова Ф. Х.* Коренные народы: концепт, сущность, содержание // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 6. С. 23–27.
- 20 *Соколовский С. В.* Аборигенность и права на территорию: антропологические и биогеографические параллели // *Ab Imperio*. 2010 (3). С. 320–321.
- 21 *Соколовский С. В.* Коренные народы: от политики стратегического эссенциализма к принципу социальной справедливости // *Этнографическое обозрение*. 2008. № 4. С. 59–76.
- 22 *Соколовский С. В.* Что значит быть коренным? Международные подходы и правовой статус «коренных народов» // *Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2009 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В. А. Тишкова и В. В. Степанова. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2010. С. 147–159.*
- 23 *Харючи С. Н.* Коренные малочисленные народы: проблемы законодательства / науч. конс. Б. С. Крылов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. 360 с.
- 24 *Alfredsson G.* International Discussion of the Concerns of Indigenous Peoples: The United Nations and the Rights of Indigenous Peoples // *Current Anthropology*. April, 1989. Vol. 30. № 2. P. 255–259.
- 25 *Anaya J. S.* Indigenous People in International Law. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 9–13.
- 26 *Anaya J. S.* Indigenous People in International Law. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2004. 396 p.
- 27 *Barsh R.* Indigenous Peoples: An Emerging Object of International Law // *American Journal of International Law*. 1986. Vol. 80. P. 369–385.
- 28 *Bowen J. R.* Should we have a universal concept of 'Indigenous peoples rights'? Ethnicity and Essentialism in the twenty-first century // *Anthropology Today*. 2000. Vol. 16, № 4. P. 13.
- 29 *Bradford W. M.* The Struggle for Recognition: Comparing the Rights of Indigenous Peoples and Minority Groups in International and Domestic Law. Ottawa: University of Ottawa, 2002. 237 p.
- 30 *Clifford J. R.* Becoming Indigenous in the Twenty-First Century. Cambridge: Harvard University Press, 2013. 376 p.
- 31 *Daes E.-I. A.* Indigenous peoples and their relationship to land / final working paper prepared by the Special Rapporteur, Mrs. Erica-Irene A. Daes // Prevention of discrimination and protection of indigenous peoples and minorities. 11 June 2001 — E/CN.4/Sub.2/2001/21. N. Y., Geneva: UN, 2001. 77 p. // United Nation Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/445803?ln=ru#record-files-collapse-header> (дата обращения: 01.02.2021).

- 32 *Daes E.-I. A.* On the concept of indigenous people // Working Paper by the Chairperson-Rapporteur, 10 June 1996, E/CN.4/Sub.2/AC.4/1996/21 / United Nations. Subcommission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities. Working Group on Indigenous Populations. 1996 // United Nation Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/236429#record-files-collapse-header> (дата обращения: 01.02.2021).
- 33 *Daes E.-I. A.* Protection of the heritage of indigenous people // *Daes E.-I. A.* Special Rapporteur of the Sub-Commission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities; Chairperson of the Working Group on Indigenous Populations, 21 June 1995 — E/CN.4/Sub.2/1995/26 / Human rights study series. № 10. New York; Geneva: UN, 1997. 30 p. // United Nation Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/248430> (дата обращения: 01.02.2021).
- 34 *Daes E.-I. A.* The United Nations and indigenous people from 1969 to 1994 // *Becoming Visible-Indigenous Politics and Self-Government. Proceedings of the Conference on Indigenous Politics and Self-Government 8–10 November 1993.* Tromse, Norway: The University of Tromse — Sami Dutkamiid Guovddas, Centre for Sami Studies, 1995. P. 51–55.
- 35 *Groenfeldt D.* The future of indigenous values: cultural relativism in the face of economic development // *Future.* November, 2003. Vol. 35. Issue 9. P. 917–929.
- 36 *Hannum H.* Minorities, Indigenous Peoples and Self-Determination // *Human Rights: An agenda for the next century* / ed. by L. Henkin and J. L. Hargrow. Washington: ASIL, 1994. 524 p.
- 37 *Indigenous and Tribal Peoples' Rights Over Their Ancestral Lands and Natural Recourses: Norms and Jurisprudence of the Inter-American Human Rights System.* Washington: Inter-American Commission on Human Rights, 2010. 235 p.
- 38 *Indigenous Peoples. Resource Management and Global Rights* / ed. by S. Jentoft, H. Minde, R. Nilsen. Delft: Eburon Academic Publishers, 2003. 315 p.
- 39 *Indigenous Peoples. Self-Determination. Knowledge. Indigeneity* / ed. by H. Minde. Eburon: Eburon Akademik, 2007. 382 p.
- 40 *Justice Pending: Indigenous Peoples and Other Good Causes: Essays in Honour of Erica-Irene A. Daes* / ed. by G. Alfredsson, M. Stavropoulou. London, N.Y.: Kluwer Law Intrnational; Brill, 2002. 418 p.
- 41 *Kingsbury B.* Reconciling Five Competing Conceptual Structures of Indigenous Peoples' Claim in International and Comparative Law // *Peoples' Rights* / ed. by P. Alston. Oxford: Oxford University Press, 2001. 329 p.
- 42 *Merlan F.* Indigeneity: Global and local // *Current Anthropology.* June 2009. Vol. 50, № 3. P. 303–333.
- 43 *Mosolova L. M., Bondarev A. V., Zykin A. V.* «Indigenous Peoples» As a Concept of Scientific and Educational Discourses: Terminology and Interpretation Problems // *Psychology and Education.* 2021. Vol. 58 (3). P. 31–50. <https://doi.org/10.17762/pae.v58i3.2469>
- 44 *Niezen R.* A World Beyond Difference. Cultural Identity in the Age of Globalization. Oxford: Blackwell Publishing, 2004. 225 p.
- 45 *Niezen R.* The Origins of Indigenism: Human Rights and the Politics of Identity. Berkeley: CA, 2003. 263 p.
- 46 *Oguatanam Ch.* International Law and Indigenous Knowledge. Toronto: University of Toronto Press, 2006. 376 p.

- 47 *Pinero L. R.* Indigenous peoples, Postcolonialism, and International Law. Oxford: Oxford University Press, 2005. 410 p.
- 48 Political Theory and the Rights of Indigenous Peoples / ed. by D. Iveson, P. Patton, W. Sanders. Cambridge UK: Cambridge University Press, 2000. P. 36–59.
- 49 *Sweepston L.* A New Step in the International Law on Indigenous and Tribal Peoples: ILO Convention No. 169 of 1989 // Oklahoma City University Law Review. 1990. Vol. 15, No. 3. P. 696–710.
- 50 The Rights of Indigenous Peoples in Marine Areas / ed. by S. Allen, N. Bankes, Ø. Ravna. Oxford: Hart, 2019. 432 p.
- 51 *Waldron J.* Indigeneity? First Peoples and Last Occupancy // New Zealand Journal of Public Law. 2003. Vol. 1, № 1. P. 55–88.

© 2022. Lyubov' M. Mosolova
St. Petersburg, Russia

© 2022. Alexey V. Bondarev
St. Petersburg, Russia

© 2022. Alexey V. Zykin
St. Petersburg, Russia

“INDIGENOUS PEOPLES” AS A CONSTRUCTING CONCEPT: PROBLEMATIZATION, INTERPRETATIONS AND DISCOURSES

Abstract: The paper presents an attempt at problematizing of the “small indigenous peoples” concept, analyzes the entire range of the terms “small” and “indigenous” people interpretations that have developed in modern science, as well as raises the question of the nature and purpose of using these concepts in various scientific discourses and socio-political practices. The relevance of this issue statement is related to the fact that the actual existence of small-numbered peoples, the direction of their mental orientations, the degree and methods of protection of ethno-cultural identity, obvious and hidden possibilities of using these ethnic groups as actors for various political and economic purposes largely depend on the adequate or inadequate interpretation and legal application of this term. The purpose of the proposed study is to analyze the heuristic status and practice-oriented function of the terms “small-numbered” and “indigenous” peoples as scientific categories and concepts that inform sociopolitical reality. The methods of historiographic, terminological, conceptographic and comparative analysis, logical and analytical procedures for problematization and thematization of the terms “small” and “indigenous” peoples, historical-legal and historical-typological methods based on specific historical material allowed us to show the permanent migration of peoples to different regions of the world with their subsequent rooting in a new territory and interaction with previously arrived peoples, to reveal a number of contradictions in the interpretation of the question of, who should be considered as indigenous ethnic group in a particular territory. The analyzed data set indicates the obvious ambiguity and relativity of indigenous ideas about the primordial habitat of ethnic groups. A critical

analysis of the use of the term “indigenous peoples” in modern sciences and legal documents has led to the conclusion that it does not meet the criteria of a scientific concept or category and is often associated with the mytho-construction of national histories. Its use as a tool of scientific knowledge and a navigator of socio-political or national orientations is not heuristically promising. In the context of the regulation of inter-ethnic relations, the term “indigenous peoples” is fraught with conflict-causing potential and may act as a dangerous weapon in the arsenal of radical forces and those to whom their actions are politically beneficial. The materials and conclusions of the study are of practical importance for the protection of adequate value and semantic orientations of small-numbered peoples, clarification of scientific and legal terminology in the field of interethnic relations, increasing the effectiveness of ethno-cultural, ethno-political and ethno-sociological expertise.

Keywords: Indigenous researches, interethnic relationships, ethnos, ethnocultural integrity, originality, peculiarity, identity ethnic lifestyle, autochthons, minority ethnic groups, “ancestral territory”, myth construction.

Information about the authors:

Lyubov' M. Mosolova — PhD in Art, Professor, Theory and History of Culture Department, The Herzen State Pedagogical University of Russia, Moika River emb. 48, 191186 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5752-3142>

E-mail: mosolova@mail.ru

Alexey V. Bondarev — PhD in Culturology, Associate professor, Theory and History of Culture Department, The Herzen State Pedagogical University of Russia, Moika River Emb. 48, 191186 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9272-2160>

E-mail: avbondarev@mail.ru

Alexey V. Zykin — DSc in Culturology, Head of Department, Department of Foreign Languages and Speech Culture, Saint-Petersburg State Agrarian University, Peterburgskoe Hwy., 2, 196601 St. Petersburg, Pushkin, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8312-4559>

E-mail: zykinalex@mail.ru

Received: April 01, 2021

Approved after reviewing: May 17, 2021

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Mosolova L. M., Bondarev A. V., Zykin A. V. “Indigenous People” as a Constructing Concept: Problematization, Interpretation and Discourses. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 83–114. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-83-114>

REFERENCES

- 1 Abashidze A. Kh., Ananidze F. R. *Pravovoi status men'shinstv i korennykh narodov: mezhdunarodno-pravovoi analiz* [The Legal Status of Minorities and Indigenous Peoples: International Legal Analysis]. Moscow, Rossiiskii universitet druzhby narodov Publ., 1997. 224 p. (In Russian)
- 2 Ananidze F. R. *Mezhdunarodno-pravovye problemy zashchity prav korennykh narodov* [International Legal Issues of Protection of the Rights of Indigenous Peoples: PhD Dissertation]. Moscow, 1996. 190 p. (In Russian)

- 3 Bikbov A. T. *Grammatika poriadka: Istoricheskaiia sotsiologiia poniatii, kotorye meniaiat nashu real'nost'* [Grammar of Order: Historical Sociology of Concepts that Change our Reality]. 2nd ed. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2016. 429 p. (In Russian)
- 4 Garipov R. Sh. *Zashchita korennykh narodov v mezhdunarodnom prave* [Protection of Indigenous Peoples in International Law]. Kazan', Tsentri innovatsionnykh tekhnologii Publ., 2012. 256 p. In: *Ruslangaripov.com*. Available at: <http://ruslangaripov.com/wp-content/uploads/2015/08/Ruslan-Garipov.-Monograph-Book.-Indigenous-Peoples-in-International-Law-2012.pdf> (accessed 01 February 2021). (In Russian)
- 5 Golobokova Ia. A. *Nepravitel'stvennye inostrannye organizatsii kak instrument vozdeistviia na korennye malochislennye narody Severa Rossii* [Non-Governmental Foreign Organizations as an Instrument of Influence on the Indigenous Peoples of the North of Russia]. *Vlast'*, 2009, no 3, pp. 43–47. (In Russian)
- 6 Gorbunov S. N. *K voprosu ob opredelenii poniatiia "korennoi narod" v mezhdunarodnom prave* [On the Issue of the Concept "Indigenous People" Definition in the International Law]. In: *Pravo i obshchestvo: sbornik nauchnykh trudov* [Law and Society: a Collection of Scientific Papers]. Arkhangel'sk, Arkhangel'skii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet Publ., 2009, pp. 33–42. (In Russian)
- 7 Gorbunov S. N., Zadorin M. Iu. *Korennye narody i ustoichivoe razvitie: monografiia* [Indigenous Peoples and Sustainable Development: Monograph]. Arkhangel'sk, Severnyi (Arkticheskii) federal'nyi universitet imeni M. V. Lomonosova Publ., 2014. 358 p. (In Russian)
- 8 Ziganshin I. R. *Konstitutsionno-pravovoi status obshchestvennykh ob"edinenii korennykh narodov arkticheskikh gosudarstv: sravnitel'no-pravovoi analiz* [Constitutional and Legal Status of Indigenous Peoples Public Associations of the Arctic States: Comparative Legal Analysis: PhD Dissertation]. Moscow, 2016. 192 p. (In Russian)
- 9 Kriazhkov V. A. *Korennye malochislennye narody Severa v rossiiskom prave* [Indigenous Peoples of the North in Russian Law]. Moscow, Norma Publ., 2010. 559 p. (In Russian)
- 10 Kurkchi A. *Dialog uchenykh: Kakov fenomen kul'tury malykh narodov Severa: L. N. Gumilev i A. P. Okladnikov* [Dialogue of Scientists: What is the Culture Phenomenon of the North Small Peoples: L. N. Gumilev and A. P. Okladnikov]. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR*, 1982, no 8, pp. 27–28. (In Russian)
- 11 Kuropiatnik M. S. *Indigennost' v kontekste globalizatsii: epistemologicheskii i sotsiokul'turnyi aspekty* [Indigeneity in the Context of Globalization: Epistemological and Socio-cultural Aspects]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Series: Sotsiologiia* [Sociology], 2019, vol. 19, no 3, pp. 387–396. (In Russian)
- 12 Kuropiatnik M. S. *Korennye narody v protsesse sotsiokul'turnykh izmenenii* [Indigenous Peoples in the Process of Socio-cultural Changes: DSc Dissertation]. St. Petersburg, 2006. 360 p. (In Russian)
- 13 Marr N. Ia. *Armianskaia kul'tura: ee korni i doistoricheskie sviazi po dannym iazykoznaniiia* [Armenian Culture: its Roots and Prehistoric Connections According to Linguistics], trans. from Armenian; introd. by O. T. Ganalaniana. Erevan, Aiastan Publ., 1990. 53 p. Available at: <http://www.iatp.am/culture/articles/marr.html> (accessed 01 February 2021). (In Russian)

- 14 Napso M. B. O spetsifike reglamentatsii prava na samobytnost' dlia korennykh narodov I men'shinstv [On the Specifics of the Right to Identity Regulation for Indigenous Peoples and Minorities]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2008, no 1 (6), pp. 38–44. (In Russian)
- 15 Napso M. B. Pravo na etnicheskuiu identichnost': pravovye i sotsial'no-filosofskie aspekty priznaniia v sovremennykh usloviakh [The Right to Ethnic Identity: Legal and Socio-philosophical Aspects of Recognition in Modern Conditions]. *Gosudarstvo i pravo*, 2011, no 8, pp. 20–25. (In Russian)
- 16 Napso M. B. Pravo narodov na razlichie [The right of peoples to difference]. In: *Voprosy teorii i praktiki rossiiskoi pravovoi nauki. Materialy IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, mart 2008 g., g. Penza*. [Issues of Theory and Practice of the Russian Legal Science. Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference, March 2008, Penza]. Penza, ANOO “Privolzhskii Dom znaniia” Publ., 2008, pp. 173–176. (In Russian)
- 17 Napso M. B. [Modern View on the Role and Significance of the Right to Identity]. *Zakon i pravo*, 2008, no 2, pp. 37–40. (In Russian)
- 18 Pimenova N. N. *Mekhanizmy sotsiokul'turnykh izmenenii korennykh etnosov Severa i Sibiri: sotsial'no-filosofskii analiz* [Mechanisms of Socio-cultural Changes of the North and Siberia Indigenous Ethnic Groups of: Socio-philosophical Analysis: PhD Dissertation]. Krasnoiar'sk, 2015. 183 p. (In Russian)
- 19 Sokolova F. Kh. Korennye narody: kontsept, sushchnost', sodержanie [Indigenous Peoples: Concept, Essence, Content]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Series: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Humanities and Social Sciences], 2012, no 6, pp. 23–27. (In Russian)
- 20 Sokolovskii S. V. Aborigennost' i prava na territoriiu: antropologicheskie i biogeograficheskie paralleli [Aboriginality and Rights to Territory: Anthropological and Biogeographic Parallels]. *Ab Imperio*, 2010 (3), pp. 320–321. (In Russian)
- 21 Sokolovskii S. V. Korennye narody: ot politiki strategicheskogo essentsializma k printsipu sotsial'noi spravedlivosti [Indigenous Peoples: from the Policy of Strategic Essentialism to the Principle of Social Justice]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2008, no 4, pp. 59–76. (In Russian)
- 22 Sokolovskii S. V. Chto znachit byt' korennyim? Mezhdunarodnye podkhody i pravovoi status “korennykh narodov” [What does it Mean to be Indigenous? International Approaches and the Legal Status of “Indigenous Peoples”]. In: *Etnopoliticheskaia situatsiia v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2009 godu. Ezhegodnyi doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniia konfliktov* [The Ethnopolitical Situation in Russia and Neighboring Countries in 2009. Annual Report of the Network of Ethnological Monitoring and Early Warning of Conflicts], ed. by V. A. Tishkova and V. V. Stepanova. Moscow, Institut etnologii i antropologii imeni N. N. Miklukho-Maklaia RAN Publ., 2010, pp. 147–159. (In Russian)
- 23 Khariuchi S. N. *Korennye malochislennye narody: problemy zakonodatel'stva* [Indigenous Peoples: Problems of Legislation], scientific expert B. S. Krylov. Tomsk, Tomskii universitet Publ., 2004. 360 p. (In Russian)
- 24 Alfredsson G. International Discussion of the Concerns of Indigenous Peoples: The United Nations and the Rights of Indigenous Peoples. *Current Anthropology*, April, 1989, vol. 30, no 2, pp. 255–259. (In English)
- 25 Anaya J. S. *Indigenous People in International Law*. Oxford, Oxford University Press, 2000, pp. 9–13. (In English)

- 26 Anaya J. S. *Indigenous People in International Law*. 2nd ed. Oxford, Oxford University Press, 2004. 396 p. (In English)
- 27 Barsh R. Indigenous Peoples: An Emerging Object of International Law. *American Journal of International Law*, 1986, vol. 80, pp. 369–385. (In English)
- 28 Bowen J. R. Should we have a Universal Concept of 'Indigenous Peoples Rights'? : Ethnicity and Essentialism in the Twenty-first Century. *Anthropology Today*, 2000, vol. 16, no 4, p. 13. (In English)
- 29 Bradford W. M. *The Struggle for Recognition: Comparing the Rights of Indigenous Peoples and Minority Groups in International and Domestic Law*. Ottawa, University of Ottawa Publ., 2002. 237 p. (In English)
- 30 Clifford J. R. *Becoming Indigenous in the Twenty-First Century*. Cambridge, Harvard University Press, 2013. 376 p. (In English)
- 31 Daes E.-I. A. Indigenous Peoples and their Relationship to Land / Final Working Paper Prepared by the Special Rapporteur, Mrs. Erica-Irene A. Daes. Prevention of Discrimination and Protection of Indigenous Peoples and Minorities. 11 June, 2001 — E/CN.4/Sub.2/2001/21. New York, Geneva, UN Publ., 2001. 77 p. *United Nation Digital Library*. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/445803?ln=ru#record-files-collapse-header> (accessed 01 February 2021). (In English)
- 32 Daes E.-I. A. On the Concept of Indigenous People. Working Paper by the Chairperson-Rapporteur, 10 June, 1996, E/CN.4/Sub.2/AC.4/1996/21 / United Nations. Subcommission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities. Working Group on Indigenous Populations. 1996. *United Nation Digital Library*. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/236429#record-files-collapse-header> (accessed 01 February 2021). (In English)
- 33 Daes E.-I. A. Protection of the Heritage of Indigenous People. Daes E.-I. A. Special Rapporteur of the Sub-Commission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities; Chairperson of the Working Group on Indigenous Populations, 21 June, 1995 — E/CN.4/Sub.2/1995/26 / Human Rights Study Series. No. 10. New York, Geneva, UN Publ., 1997. 30 p. *United Nation Digital Library*. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/248430> (accessed 01 February 2021). (In English)
- 34 Daes E.-I. A. The United Nations and Indigenous People from 1969 to 1994. *Becoming Visible-Indigenous Politics and Self-Government. Proceedings of the Conference on Indigenous Politics and Self-Government 8–10, November 1993*. Tromse, Norway, The University of Tromse — Sami Dutkamiid Guovddas, Centre for Sami Studies Publ., 1995, pp. 51–55. (In English)
- 35 Groenfeldt D. The Future of Indigenous Values: Cultural Relativism in the Face of Economic Development. *Future*, November, 2003, vol. 35, issue 9, pp. 917–929. (In English)
- 36 Hannum H. Minorities, Indigenous Peoples and Self-Determination. *Human Rights: An Agenda for the Next Century*, ed. by L. Henkin and J. L. Hargrow. Washington, ASIL Publ., 1994. 524 p. (In English)
- 37 *Indigenous and Tribal Peoples' Rights Over Their Ancestral Lands and Natural Recourses: Norms and Jurisprudence of the Inter-American Human Rights System*. Washington, Inter-American Commission on Human Rights Publ., 2010. 235 p. (In English)
- 38 *Indigenous Peoples. Resource Management and Global Rights*, ed. by S. Jentoft, H. Minde, R. Nilsen. Delft, Eburon Academic Publishers Publ., 2003. 315 p. (In English)

- 39 *Indigenous Peoples. Self-Determination. Knowledge. Indigeneity*, ed. by H. Minde. Eburon, Eburon Akademik Publ., 2007. 382 p. (In English)
- 40 *Justice Pending: Indigenous Peoples and Other Good Causes: Essays in Honour of Erica-Irene A. Daes*, ed. by G. Alfredsson, M. Stavropoulou. London, New York, Kluwer Law International; Brill Publ., 2002. 418 p. (In English)
- 41 Kingsbury B. Reconciling Five Competing Conceptual Structures of Indigenous Peoples' Claim in International and Comparative Law. *Peoples' Rights*, ed. by P. Alston. Oxford, Oxford University Press, 2001. 329 p. (In English)
- 42 Merlan F. Indigeneity: Global and Local. *Current Anthropology*, June, 2009, vol. 50, no 3, pp. 303–333. (In English)
- 43 Mosolova L. M., Bondarev A. V., Zykin A. V. “Indigenous Peoples” As a Concept of Scientific and Educational Discourses: Terminology and Interpretation Problems. *Psychology and Education*, 2021, vol. 58 (3), pp. 31–50. <https://doi.org/10.17762/pae.v58i3.2469> (In English)
- 44 Niezen R. *A World Beyond Difference. Cultural Identity in the Age of Globalization*. Oxford, Blackwell Publishing, 2004. 225 p. (In English)
- 45 Niezen R. *The Origins of Indigenism: Human Rights and the Politics of Identity*. Berkeley, CA Publ., 2003. 263 p. (In English)
- 46 Oguamanam Ch. *International Law and Indigenous Knowledge*. Toronto, University of Toronto Press, 2006. 376 p. (In English)
- 47 Pinero L. R. *Indigenous peoples, Postcolonialism, and International Law*. Oxford, Oxford University Press, 2005. 410 p. (In English)
- 48 *Political Theory and the Rights of Indigenous Peoples*, ed. by D. Iveson, P. Patton, W. Sanders. Cambridge UK, Cambridge University Press, 2000, pp. 36–59. (In English)
- 49 Sweptston L. A New Step in the International Law on Indigenous and Tribal Peoples: ILO Convention No. 169 of 1989. *Oklahoma City University Law Review*, 1990, vol. 15, no 3, pp. 696–710. (In English)
- 50 *The Rights of Indigenous Peoples in Marine Areas*, ed. by S. Allen, N. Bankes, Ø. Ravna. Oxford, Hart Publ., 2019. 432 p. (In English)
- 51 Waldron J. Indigeneity? First Peoples and Last Occupancy. *New Zealand Journal of Public Law*, 2003, vol. 1, no 1, pp. 55–88. (In English)